

 № 120 (129)
 июль-ноябрь 2025

Издаётся с января 2006 года.

ВЕСТНИК АНТОНИЕВСКОГО ХРАМА

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ ХРАМА ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО)

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОБРАЩЕННЕЙШЕГО ЛЕОНТИЯ МИТРОПОЛИТА ВОРОНЕЖСКОГО И ЛИСКИНСКОГО

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД. ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ ИЗДАНИЯ ДОСТУПНА ПО АДРЕСУ: www.snt-antonius.ru

НА ЗАУТРЕНЕ

На заутрене пение слышится,
словно с небес.
Долго-долго звучит
в моей тихой душе это чудо...
Среди хмурых людей ходит Тот,
Кто однажды воскрес,
Но не видят Еgo, и не знают, явился откуда.

Даже если открылся бы Он и в сиянье сказал:
«Я пришёл от Отца вас избавить от вечного ада»,
Каждый третий в толпе, окружившей Еgo, пожелал:
«Сотвори нам вина и хлебов, а спасенья – не надо!»

«Да любите друг друга...», – твердишь. –
Мы забыли любовь.
Говоришь о блаженных,
которые «нищие духом». –
В этом мире в почёте богатство!
И требуют вновь:
«Сотвори нам вина и хлебов,
проповедуй старухам!»

И толпа закричала бы снова,
как прежде: «Распни!»,
Выбирая Спасителю – крест,
а Варавве – свободу.
В час шестой прокуратор промолвит:
«В Нём нету вины...
Но, что делать? Не спорить же с этим
безумным народом!»

Мне привиделось это однажды, как в сумрачном сне.
Бред то был или сон... Но я рада была, что очнулась.
Купола и кресты Божьих храмов сияют во тьме.
Мы вернулись туда, и в сердца наши вернала вернулась!

В «старой доброй Европе» пустуют Господни дома,
В них теперь тренажёрные залы и бары открыты...
Это мы проходили и помним. Рассеялась мгла.
Над Россией моей колокольные звоны разлиты!

Светлана Редько

Михаил Нестеров. Одиночество. (1932 г.)

ПЛАМЯ ВНУТРЕННЕЙ МОЛИТВЫ

Егор Зайцев. Молебен на Бородинском поле. (2000-2002 гг.)

Человеческий дух не знает более действительного, более чистого утешения, чем молитва. Она несёт человеку сразу очищение и укрепление, успокоение и радость, благословение и целение. И тот, кто этого не испытал, пусть лучше не судит о молитве: ему самому предстоит ещё добиться этого утешения в борьбе и страдании. Тогда он почувствует, что приобщился новому источнику жизни и что в нём самом началось новое бытие, о котором он прежде не имел даже представления.

Современный человек живёт на земле в вечных заботах и опасениях, переходя от разочарования к болезни и от личного горя к национальным бедствиям. И не знает, что начать и как преодолеть всё это; и подчас с ужасом думает о том, что этот мутный поток будет нести и заливать его вплоть до самой смерти. Однако многое зависит от него самого: это он сам увеличивает себе бремя жизни и не умеет понять истинный смысл несомого бремени. Ибо путь ему указан: ему стоит только почувствовать свою духовную свободу и открыть своё внутреннее око. Это и совершается в молитве.

Нам всем хотелось бы, чтобы наша нескладная, угнетающая и часто унизительная жизнь началась по-новому и сложилась иначе, чтобы она цвела взаимным доверием, искренним благожелательством и вдохновением. Но как достигнуть этого, мы не знаем. Близоруко рассуждая, мы говорим о «счаstии», счастье незаметно вырождается у нас в «удовольствие» и «наслаждение», а в погоне за наслаждениями и удовольствиями мы забредаем в болото и не знаем, что начать. Но путь, ведущий к жизненному обновлению, известен и не так труден: мы должны почувствовать сердцем священное в жизни, сосредоточиться на нём нашим созерцанием и зажить им, как драгоценным и самым главным. А это и есть путь молитвы.

Нам нельзя тонуть в несущественностях быта. Тот, кто живёт ими, тот привыкает к пошлому существо-

ванию и сам превращается, по слову юного Гоголя, в «существователя». И вот нам необходимо научиться верно различать духовный ранг жизненных содержаний и приучиться сосредоточивать своё внутреннее внимание на Божественной сущности вещей, явления и событий. Ибо жизненные содержания не равны, не равнозначны, не равнозначительны. Среди них есть ничтожные и есть священные; есть такие, которые возводят душу и сообщают ей особую глубину и крепость, и есть такие, которые незаметно разлагают и обессиливают её, делают её мелкою, страшною и слепою. Есть такие, которыми стоит жить, и есть такие, которыми не стоит жить. Надо научиться распознавать их, выбирать существенно-священные – и жить ими. Тогда и сам человек станет «существенным», он поймёт смысл и цель жизни и войдёт в живую связь со священной сущностью здимого мира. И путь к этому умению указывает и прокладывает молитва.

И пусть не думают люди, что вступить на этот путь – зависит не от них; что бывают чрезмерно тяжёлые времена, которые затрудняют молитвенное обновление жизни; и что земная человеческая власть может лишить человека внутренней свободы и поработить его несущественностями быта. Ибо на самом деле тягчайшие времена посыпаются людям именно для того, чтобы они опомнились и обновились; и нет на свете земной власти, которая могла бы погасить нашу внутреннюю свободу – и прежде всего, свободу молитвы – и которая могла бы помешать нашему очищению от пошлости.

Поэтому надо признать, что жизнь сама по себе есть как бы школа молитвы или воспитание к молитве. И даже тот, кто совсем никогда не молился, может быть приведён к молитве самюю жизнью. Ибо для каждого неверующего может настать время величайшей беды, когда его захваченное врасплох и потрясённое сердце вдруг начнёт молиться из своей последней глубины –

в такой скорбной беспомощности, такими вздохами отчаяния, такими вдохновенными призывами, о коих он дотоле и не помышлял. Тогда он почувствует как будто бы землетрясение во всём своём естестве, и неведомое пламя охватит его душу. Может быть даже так, что человек при этом сам не будет знать, к Кому он взывает, и уже совсем не будет представлять себе, откуда и какое может прийти спасение. Он взывает к Кому-то, Кто всё может, даже и невозможное; он молит этого Неизвестного о помощи, которая уже не в человеческих силах, – молит в твёрдой уверенности, что есть на свете истинная Благость, и она внемлет ему. И к этой неведомой, но всемогущей Благости он и обращается с молитвой, которая, как водный поток, внезапно прорывает все прежние плотины... Он говорит с этим Существом так, как если бы он видел Его перед собою, как если бы он знал Его от века...

И потом, когда проходит этот порыв, у него остаётся такое чувство, что он всегда веровал в этого Всеблаженного-Всемогущего, всегда предполагал Его присутствие – каждым дыханием своим, и вот только теперь впервые нашёл Его. То, чего ему доселе недоставало, был душевный подъём к молитвенному вдохновению. Ему нужно было мужество сердца, чтобы противостоять всем своим и чужим предрассудкам; нужна была цельность души, возникшая ныне из инстинктивного отчаяния; ему нужна была мудрость сердца, которая восторжествовала бы над глупостью ума; вдохновение, не посещавшее душу в пыли и грязи. Может быть, он уже и сам замечал это, ибо чувствовал себя расколотым и неисцелённым. Может быть, он даже мучился этим, но не умел или не хотел преодолеть в себе внутреннюю раздвоенность, и потому «запрещал» себе молитву по соображениям «внутренней честности»... В этом обнаруживается вообще влияние нашей эпохи, «верующей» в ум, в анализ и культивирующую всяческое разложение... И только великие бедствия нашего времени дают людям способность преодолеть эти внутренние препятствия: они потрясают всё наше существо до корня, смывают предрассудки, обнажают наше трепещущее чувствилище и превращают жизнь в действительную школу молитвы.

Дело в том, что настоящая молитва требует всего человека и захватывает его целиком. Она может излиться и в связных словах, но она может и не найти их, и молящийся будет вместе с Андреем Юрдиным лишь восклицать в слезах: «Господи! Господи!! Господи!!!...» И это единое, сердцем насыщенное слово будет весить более, чем множество душевно-полупустых слов.

Молитва может найти себе выражение и в благочестивых движениях и обрядах; но бывают и такие молитвы, при которых внешние движения и свершения отпадают совсем. Тяжело раненный не может даже перекреститься. Неподвижно лежащий в окопе не смеет даже пошевелиться. А люди, живущие в эпоху гонения на веру, во время церковного террора, вырабатывают в себе умение молиться внутренней молитвой сердца, которая горит внутренним огнём при совершенно неподвижном, ничего не выражаящем лице.

Это пламя внутренней молитвы и есть важнейшее и драгоценнейшее в религии. Оно требует всю душу человека. Здесь все цвета сливаются в белый цвет; все способности души – в единую силу. Феофан Затворник описывает это состояние так: «собранный должен гореть». Здесь мысль не думает, не анализирует, не размышляет, не сомневается, но отдаёт свою пристальность, свою интенсивность в общий и единый огонь. Здесь нет отдельных волевых решений, но вся стремящая сила воли направлена целиком к единому Предмету. Сердце с его глубоким и нежным чувствием становится главным горном души; именно в нём сосредоточивается и сила созерцания, исходя из него и возвращаясь в него.

Вот почему молитва есть некий сердечный жар, который всё вовлекает в себя, расплавляет и делает текучим. Она есть некий духовный свет, собирающий лучи, подобно увеличительному стеклу, в единый центр: в этом центре начинается горение. Неопытному человеку нередко кажется, что это горение есть его личное, субъективное состояние, которым всё и ограничивается. Но на самом деле это горение вводит личную душу в сверхличное Пламя, отзывающееся на личный призыв и включающее в Себя лично возгоревшееся сердце. Человеческий огонь может и должен приобщаться в молитве Божьему Пламени – и в этом состоит таинственный смысл и благодатная сила молитвы. Сердце человека воспламеняется Божественным Огнём и уподобляется «неопалимой купине». Личный огонь растворяется в Божием, и человек теряет себя в Его Огнилице. В настоящей молитве человек забывает и теряет себя: он уже не помнит, что он «есть», не ощущает своего земного естества; он видит и чувствует себя как бы в некоем огненном столпе, восходящем вверх, и слышит, как из души его восходят «неизреченные воздыхания» «Самого Духа» [Рим. 8, 26]... И в этом свете и огне он становится дотоле, доколе выносит его сердце и дыхание.

Иван Ильин «О молитве»

Римма В'югова. Исповедь.

Бог есть Истина – и молитва моя должна быть истинна, как и жизнь. Бог есть свет – и молитва моя должна быть приносима в свете ума и сердца; Бог есть огонь – и молитва моя, как и жизнь, должна быть пламенна. Бог всесвободен – и моя молитва должна быть свободным излиянием сердца. Какое богатство духа человеческого: только помысли он сердечно о Боге, только пожелай сердечного соединения с Богом – и Он сейчас с тобой, и ни стены дома, никакие заклёпки темниц, ни горы, ни пропасти не воспрепятствуют этому.

Св. Иоанн Кронштадтский

БЕССМЕРТИЕ МЫСЛИ – В СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ежегодно преосвященный Антоний, производя обезды благочиний, особое внимание обращал на состояние храмов, совершая литургии и устраивая после службы благотворительные народные обеды с посещением тюрем. А на Афоне по поручению и благословению преосвященного Антония иеромонахом Аникитой (в миру князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов) был основан храм во имя святителя Митрофана Воронежского. На средства благотворителей, а также на его собственные были возобновлены и отремонтированы все приходские храмы. Лишь за последние 12 лет его управления епархией (с 1834 по 1846 год) построено 63 новых храма. В 1828 году восстановлен древнейший Дивногорский мужской Успенский монастырь, переведён на прежнее место Успенский Предтеченский монастырь, организованы иноческие общины, ставшие позже такими известными монастырями, как Задонский Богородице-Тихонов (Тюдинский) и Белогорский Воскресенский.

Святитель Антоний уделял особое внимание развитию духовного образования в Воронежском крае, способствовал развитию духовных школ и просвещению духовенства. По его благословению в 1837–1838 годах были открыты уездные духовные училища в Задонске и в Павловске, значительно возросло число воспитанников Воронежской Духовной семинарии.

Основой всякого воспитания святитель считал Священное Писание и изучение творений святых отцов, среди которых особенно почитал преподобного Ефрема Сирина. Он был одним из инициаторов полного перевода на русский язык творений святых отцов, а первое собрание переводов Ефрема Сирина было издано его заботами в 1829 году. Святитель всемерно способствовал развитию церковного издательского дела. Большинами тиражами по распоряжению святителя Антония печатались душеполезные наиздания, акафисты и другая духовная литература, а также репродукции почитаемых икон.

Имея монархические взгляды на государственный строй Руси, владыка заботился о сохранении церковности русского народа и русской государственности. Его пастырский талант оказал значительное влияние на молодых богословов при выборе ими тем для научной разработки. Святитель ратовал за то, чтобы православные мыслители в своих рассуждениях следовали не по холостяжеско-ационалистическому пути, а избрали бы благодатно-подвижнический путь. Владыка Антоний был убеждён, что сила и бессмертие православной мысли – в святоотеческой традиции.

НЕ БОЙСЯ: ГОСПОДЬ ЕЩЁ БЛИЖЕ!

Войны с древнейших времён и по сей день сотрясают мир, и святые отцы Церкви издревле размышляли о войне и воинском служении, об участии и отношении лиц духовного звания к военным действиям. Согласно учению Церкви, воинское служение невозможно для тех, кто посвятил себя священству или монашеству. Седьмое правило IV Вселенского Собора повелевает, «чтобы однажды причисленные к клиру или монахи не вступали ни в воинскую службу, ни в мирской чин, сняв с себя священное одеяние и переодевшись по обычай тех, ... и сделавшись мирянином». Но в истории Церкви случались нарушения этого правила. Эти исключения были вызваны особыми обстоятельствами времени. Так преподобный Сергий Радонежский по просьбе князя Дмитрия Донского благословил

двух своих монахов (в прошлом воинов) Пересвета и Ослябю участвовать в Куликовской битве. А преподобный Афанасий Афонский по просьбе императрицы Зои благословил своего постриженника полководца Торнику вернуться на краткое время к ратному делу ради спасения страны от нашествия арабов. В более позднюю эпоху известны массовые случаи участия греческого духовенства в вооружённой борьбе с турками во время освободительных восстаний; в память об этом на Крите даже установлен своеобразный памятник, изображающий священника с ружьём в руках. Ещё более активно участвовали в кровавой борьбе с турками черногорские священники и даже сами митрополиты.

Главный принцип, который должен соблюдать православный воин – крепко держаться Православной веры. Святитель Иннокентий Херсонский утверждает: «Истинный ратник Христов тот, кто кроме оружия земного имеет и оружие Божие – веру живую, упование твёрдое, любовь нелицемерную к правде и смирене христианское». В конце IX века православный памятник болгарского права «Закон судный людям» так пишет о ведении военных действий: «Отправляясь на бой с супостатами, подобает остеграться

всех недобрых слов и дел, направить мысль свою к Богу и молитву сговорить. И сражаться в ясном сознании, ибо помощь даётся от Бога светлым сердцам. Не от большей силы победа в бою, а в Боге крепость». Попрание этого принципа и отказ от веры приводит к поражению даже при численном и прочем превосходстве над противником. В частности, святой Иоанн Кронштадтский так анализировал духовные причины поражения в русско-японской войне: «Отчего мы не могли ныне победить врагов-язычников при нашем храбром воинстве? Скажем не обинуясь: от неверия в Бога, упадка нравственности и от бесмысленного толстовского учения “не противься злу”, следуя которому сдался на капитуляцию Порт-Артур, а военные суда – в постыдный плен со всем инвентарём. Какой славный учитель для всего русского воинства и для всех военных и других властей святой благоверный великий князь Александр Невский! Но кто из интеллигентов читает ныне о подвигах его, кто верит сказанным чудесам? Вот от этого неверия и от своего гордого, кичащегося разума и надмения своею военною силою мы и терпим всякие поражения». «Чтобы заслужить Небесную помощь в тяжёлых обстоятельствах Отечества, нужна твёрдая вера в Божественную помощь, а главное – покаяние в грехах, вызвавших гнев Божий на Россию, нужно исправление нравов. Война вызвана безбожием и безнравственностью русского всесословного мира, и войною даётся ему горький урок».

Евангелие содержит указание общих принципов, необходимых для благочестивой жизни воинов, которые даны святым Иоанном Крестителем: «Спрашивали его

также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клевещите, и довольствуйтесь своим жалованьем» [Лк. 3, 14]. Принципы, изложенные святым Иоанном, ранняя Церковь взяла за основу христианского отношения к воинскому служению. Эти требования отвергают вымогательство взяток и прочие виды злоупотребления служебным положением ради отнятия денег и имущества у граждан.

Святые отцы разбирают и вопрос о том, можно ли подчиняться заведомо преступным приказам, предписывающим, например, убийство мирных безоружных людей и пленных и другие нарушения заповедей Божиих. Как в таком случае поступать православному солдату, ясно говорит святитель Тихон Задонский: «Что не противное закону Божию приказывают, слушай и исполняй: в противном не слушай, так как подобает больше повиноваться Богу, чем человекам. Так поступали мученики святые... если [командир] велит неправду делать, обидеть, украсть, согнать и прочее – не слушайся. Если грозит за это наказание – не бойся». Из житий святых мучеников известны примеры подобного неповиновения. Если же приказ не противоречит заповедям, то непослушание ему не одобрялось Церковью, как и нарушение присяги, поскольку клятвопреступление является грехом.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Стойкость – одно из первых достоинств воинства и земного, и духовного. Опытные в битвах ратники почитают признаком храбости отважное нападение на строй неприятельский, но несравненно большим – безмолвное стояние с угрюмою твёрдостью под ядрами и картечью неприятельских батарей, когда этого требует общий план военачальника. На таковых-то воинов наиболее он может и положиться, на таковых воинов наиболее полагается наш подвигоположник Иисус Христос и венчает их душевными венцами». Примерно то же писал и святитель Феофан Затворник: «Вы – будущий воин! Воина дело – бодро стоять и всегда быть готовы вступить в схватку с врагом, себя не жалея и врагу не поблажая».

Вера повышает моральные качества воинов. Говоря о событиях войны 1812 года, святитель Филарет Московский писал, что вера дала силы мужественно сражаться даже неопытным новобранцам, а возмущения святотатствами французов придали русским воинам решимости разбить врага: «Когда против чрезмерного числа вражеских полчищ правительство принуждено было поставить

Продолжение на стр. 6-7

Сергей Присекин. Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет! (1983 г.)

неискушённых в брани граждан, Вера запечатлела их собственным своим знамением, утвердила своим благословением, и сии неопытные ратники подкрепили, обрадовали, удивили старых воинов. А когда неистовые скопища нечестивцев не оставили в мире и безоружную Веру, когда... исполняли свои руки святотатствами, оскверняли храмы живого Бога и ругались его святыне, усердие к Вере превращалось в пламенную, неутомимую ревность наказать хулителей и даже в ободряющую надежду, что враг Божий не долго будет счастливым врагом нашим».

А святитель Николай Сербский приводит такой пример: «Во время войны послали одного боязливого солдата в разведку. Все знали его боязливость и смеялись, когда узнали, куда посыпает его старшина. Только один солдат не смеялся. Он подошёл к своему товарищу, чтобы поддержать и ободрить его. Но тот ответил ему: "Погибну я, враг совсем рядом!". "Не бойся, брат: Господь ещё ближе", – ответил ему добрый товарищ. И эти слова, как большой колокол, зазвонили в душе того солдата. И звонили до конца войны. И некогда робкий солдат вернулся с войны награждённый многими орденами за храбрость. Так преобразило его благое слово: "Не бойся: Господь ещё ближе!"».

Существуют соблазны воинского служения. Преподобный Исидор Пелусиот направил несколько писем воинам, стремясь уврачевать характерные духовные болезни, свойственные воинскому служению. Так, в «Послании к воину Туве» святой отец разбирает такое явление, которое ныне иногда называют «паркетными офицерами» – когда люди, добившиеся высоких военных чинов, предпочитают тяготам реальной армейской службы пребывание в тылу, при этом тщеславно величаясь своим воинским званием перед гражданскими людьми. Осуждается дезертирство, а так-

же приобретение «лакомых» мест в тылу за взятки. Преподобный Исидор пишет: «Не во время мира должно быть в полном вооружении, не среди торжища являться в воинственном виде и не по городу ходить с мечом в руках, но на войне, над сопротивниками надлежит делать такие опыты и на них наводить страх. Посему, если нравится тебе воинственный вид и желаешь себе победных провозглашений и памятников, то иди в стан сражающихся, а не здесь, за деньги купив себе право бежать оттуда и жить дома, представляя то, что должно делать там».

Другой соблазн был характерен для воинов, которые имели опыт боевых действий и, поддавшись искушению использовать имеющееся у них оружие и полученные навыки обращения с ним, ступали на путь преступлений против мирных граждан своей же страны. В наше время подобное также случается: бывало, что, убежав из своей части с оружием, дезертиры использовали его для грабежей и насилия над гражданским населением, а иногда в мирное время ветераны локальных войн после демобилизации вступали в бандитские группировки. Вот что преподобный Исидор пишет в «Послании к воину Исаии», который поддался этому соблазну: «Если, по твоему мнению, острота оружий, шлем и панцирь – наяджное средство жить безбедно, предаваясь грабежу и опустошая большие дороги, то знай, что многие, оградив себя ещё наяджнее, подверглись бедственной смерти, так как силе их не сопутствовала справедливость. Поэтому если хочешь быть не бесполезным воином, то как можно скорее обратись к духовной браны и сражайся против своего бесчиния».

Третий соблазн воинского служения характерен для обстоятельств военного времени. Он заключается в совершении грабежей, мародёрства, насилия над пленными и мирными жителями. Святитель Амвросий Медиоланский в трактате «Об обязанностях священнослужителей» призывает православных воинов проявлять милость к врагам безоружным и покорным, просящим пощады, сдающимся в плен, и к мирным жителям, не оказывающим сопротивления, «ибо сила военная не на зло, не для обиды и своееволия, а для защиты и добра». Использование военного времени как повода для грабежа и насилия над мирным населением является грехом и беззаконием.

Церковь непрестанно молится о христолюбивом воинстве своей страны, о спасении пленённых, об упокоении погибших воинов. А также оказывает также помощь в духовно-нравственном воспитании воинства. Сегодня много говорится о необходимости такого воспитания для солдат, но, к сожалению, меньше внимания уделяется проблеме духовно-нравственного воспитания офицеров, хотя без этого оздоровление армии невозможно. Командир-безбожник часто собственным примером разлагающе влияет на подчинённых, а для верующих солдат создаёт препятствия. С другой стороны, верующий и благочестивый командир помогает Церкви исполнить свой долг проповеди и духовного окормления солдат, и личным примером способствует укреплению благочестия и здорового нравствен-

ного климата среди личного состава. В военное время эти обстоятельства проявляются наглядно. И среди творений святых отцов есть те, что написаны полководцам и военачальникам с разъяснением, каким должен быть православный воин. Так святитель Макарий Московский написал в 1552 году послание царю Иоанну Грозному и его войскам, находящимся в Казанском походе. В нём он призывает царя «со всем своим христолюбивым воинством хорошо, храбро и мужественно подвизаться с Божией помощью за святые Божии церкви и за всех православных христиан – против су-постат твоих..., изменников и отступников, всегда проливающих кровь христианскую, оскверняющих и разоряющих святые церкви». Святитель предостерегает воинов от прегрешений душевных и телесных, уверяя царя подвизаться с «христолюбивым воинством в чистоте и покаянии и в прочих добродетелях», что привлекает помощь Божию в сражениях. Он также пишет: «Если случится кому из православных христиан на той браны до крови пострадать за святую Веру христианскую и за множество людей православных и потом живым быть, и те поистине пролитием своей крови очистят прежние свои грехи».

Полковые священники издревле сопровождали в походах христианские войска. Среди них были и знаменитые святые. Например, императора Никифора Фоку сопровождал во время победоносного похода на Крит преподобный Афанасий Афонский, устроитель общежительного монашества на Святой горе Афон. Сам император Никифор, который после смерти почитался святым на Афоне, в своей «Стратегике» отводит особое место установлению обязательных регулярных молитв: «Следует же командиру заранее постановить..., чтобы в лагере, в котором всё войско разместилось, во время славословия и на вечерних и на утренних молитвах армейские священники совершали усердные моления, а всё войско восклицало: "Господи, помилуй!" ... со вниманием и страхом Божиим».

О мужестве и подвигах полковых священников в дореволюционной России хорошо известно.

Иногда святые отцы, не ограничиваясь духовными вопросами, считали возможным давать даже советы стратегического характера, как очевидно из писем святителя Игнатия (Брянчанинова) к другу Н.Н. Муравьеву, который во время Крымской войны командовал Русской армией, наступающей в Турции. Святитель сам имел воинское образование до пострига, а потому понятно его желание принести как можно большую пользу своими советами, в том числе и в решении реальных боевых задач. В письме от 31 июля 1855 года он пишет: «В нынешней войне не нужны действия блестящие, нужны действия сущест-

венно полезные... Поход к Босфору и Дарданеллам признаю невозможным до того времени, как события определят: сделают ли высадку союзники для действий против Грузии; поход к Трапезунду, как и ко всяко му другому приморскому месту, считаю малополезным, если не вполне бесплодным в войне с неприятелем, имеющим все преимущества на море; лишь демонстрация такого похода может быть полезною в том случае, когда неприятель отрядит значительные силы для охранения приморских мест; такая демонстрация может удерживать в бездействии неприятельские войска, охраняющие прибрежье. По моему мнению, для кампании нынешнего лета имеются в виду действия несравненно большей важности: это приготовление к кампании будущего года, результаты которой могут быть гораздо сильнее и решительнее... Главное, чтоб здесь не поторопились заключить мир, не дождавшись плода после таких пожертвований и усилий». Разумеется, такого рода советы давались в дополнение молитвенной поддержки, и в каждом письме святитель заверяет в своих молитвах и посыпает благословение.

По мысли святых отцов, война есть великое бедствие, произрастающее из греховных наклонностей человека. Провиденциальный смысл существования такого бедствия объясняется тем, что посредством войн Бог наказывает грешников и вразумляет живущих беспечно. При этом война является и средством к обузданию большего зла. Тот, кто развязывает войны из греховных – корыстных либо тщеславных побуждений, достоин всяческого осуждения, а тот, кто вступает в войну вынужденно, чтобы защитить своих соотечественников или единоверцев от неприятеля, тот воюет законно и не совершает тем самым греха. Участие христиан в войне есть вынужденная мера, и если они прибегают к ней из благих побуждений защиты христиан и святынь, то Господь благословляет их ратный подвиг. Церковь молится за воинов, принимая и более тесное участие в справедливой войне сбором пожертвований, советом. Вера даёт силы воинам, и Бог помогает верующим. Посредством чудесной помощи на войне Он пробуждает к вере души воинов.

Церковь прославила в лице святых множество воинов, а в Богослужении говорит о помощи свыше для «христолюбивого воинства». Причём были прославлены как полководцы, так и рядовые воины, как мученики, так и преподобные, как отдельные лица, так и целые группы. Многие святые, даже не будучи воинами, но епископами, в моменты войны и реальной угрозы принимали участие в войне, командуя обороной и ведя переговоры.

Вопросы войны и воинского служения Православная Церковь предлагает рассматривать с точки зрения глубинных духовно-нравственных оснований. И это даёт свой результат: воин, защищающий своё Отечество, знает, зачем берёт в руки оружие, когда и как он может его применять. Обоснованием для применения оружия должно быть не только требования воинского устава, но и нравственная оправданность его использования. Это придаёт армейской службе характер высоконравственного служения. Церковь верует, что если воин отдаст своё сердце Христу и будет руководим Господом, то он не събьется с пути, но будет искренне и жертвенно защищать своих близких, с честью выполняя свои воинские обязанности.

ВРАЧЕВАТЕЛЬ ДУШ И ТЕЛ

Затворник Иоанн Сезёновский

В 2002 году по благословлению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II было установлено празднование Дня соборной памяти всех святых Воронежской епархии. Днём нового церковного праздника стало **4 (17 н.ст.) сентября**. В поимённый список Собора Воронежских святых включены подвижники, своими неустанными трудами во славу Господа не дававшие угаснуть огню Православной Веры. Даже при самых тяжких испытаниях в первую очередь они молились за всех нас, православных, в последнюю – о себе. Среди них – юродивый Христа ради затворник Иоанн Сезёновский.

Осенью 1826 года крестьянин Лебедянского уезда Бирюков отправился в Сезёновский лес, сопровождая одного почитаемого в этих краях затворника. Тяжёлые вериги, железные башмаки, обтянутые сукном, чугунные чётки и железный посох с крестом наверху в руках... Как выносило эти тяготы немощное тело подвижника?.. По Божьему наущению затворник почти никому не открывал своего лица, лишь редкие избранные могли видеть его. В ту пору уже несколько лет он практически не покидал своего обиталища. Но в тот раз случай оказался особым...

Остановившись, затворник заставил Бирюкова положить три поклона и вбить в указанном месте кол. «Тут, – объявил подвижник, – выстроится колокольня, и здешний колокол будет слышен по всей Руси». Крестьянин выразил свои сомнения, но затворник, пройдя ещё немного, велел вбить другой кол, сказав при этом: «А здесь будет наша граница, и это будет наша земля, у нас тут будет Киев, Иерусалим, Афон». Пройдёт время – и всё свершится так, как сказал подвижник...

Затворник, предвидевший появление Иоанно-Казанского Сезёновского женского монастыря, что в современной Липецкой области, известен как Иоанн Сезёновский, в миру – Иван Лукич Быков. Он родился в 1791 году в селе Горки Коротякского уезда и являлся дворовым местного помещика. С детства Иван отличался от своих непоседливых сверстников – тихий и незлобивый, он любил уединение и безмолвие.

Юношей, покоряясь промыслу Божию, Иоанн вступил на духовный подвиг, известный как юродство Христа ради – и время от времени стал уходить в странствия. Чтобы прекратить самовольные отлучки дворового, барин отдавал его в разные обучения, но ничто не могло отвлечь Иоанна от его походов.

Пробил час, и, распрошавшись с родными краями, Иоанн отправился в Киевскую Лавру.

Однако помещик разыскал беглого, и через некоторое время Иоанна заковали «в же-леза». Но Господь не оставил его – чудесным образом оковы сами спали с рук Иоанна, и он ушёл из заточения, а в скором времени обосновался в Задонском мужском монастыре.

В те же годы князю Несвицкому, владельцу села Сезёново Лебедянского уезда, приснился странный сон. Князь увидел, как из образа «Корсунской» Божией Матери вышел младенец и сказал: «Возьми меня к себе на руки и дай место для молитвы, я Иоанн многострадальный». Смущённый князь призвал к себе знакомую старицу, и та, выслушав Несвицкого, привела к нему Иоанна. Увидев его, князь прошептал: «Вот то лицо, которое я зерял во сне».

Князь предложил Иоанну остаться у него, и тот согласился, но, верный своему решению удалиться от мира, поселился в полуразрушенной бане, наглухо заколотив единственное окно. Только неугасаемая лампада перед иконой освещала убогое жилище молодого отшельника. Никого не принимая в своей келье, затворник постоянно молился, попутно занимался рукоделием и чтением. А херувимские песни пел так, что нельзя было слушать без умиления. Для приобщения Святых Таин к Иоанну приходил его духовник, священник из Лебедяни Федот Казанский.

Слух о строгом затворнике разнёсся далеко за пределы места его подвигов, и толпы людей стали стекаться к дверям Иоанновой кельи. Он никому не отказывал в беседах, принимая всех приходящих без различия звания и состояния, поучая их словами веры и утешая, уча кротко и незлобиво исполнять заповеди Божьи, тщиться о благе ближнего.

* * *

Тяжелеют осенние воды,
догорают рябины огни...
Но во мраке ноябрьской природы
вдруг наступят особые дни –
и развеется мрак постепенно,
рябь по водам пойдёт не спеша.
И, как солнечный отсвет, нетленно
встрепенётся – и вспыхнет душа.

Дмитрий Мизгулин

Сезёновский Иоанно-Казанский женский монастырь.

Все эти беседы велись Иоанном через закрытые двери кельи. Не отказывал Иоанн и болеющим телесно – лечил их освящённым маслом из лампады, Богоявленской водой, просфорами, а чаще кореньями и травами.

За строгую подвижническую жизнь Господь удостоил Иоанна дара прозорливости. Однажды крестьянин из села Куймань видел, как над головой затворника возник необыкновенный чудесный пламень.

Из числа вдов и девиц у Иоанна было немало ученици, готовя их к служению Господу и укрепляя в них веру в Божий промысел, Иоанн часто давал им поручения, порой казавшиеся странными, но, к удивлению послушниц, все они успешно выполнялись. Раз затворник попросил послушницу Авдотью принести ему живую сороку. Выполнимо ли это? Но только Авдотья вышла на дорогу, как слетевшиеся сороки сели ей на плечи, и одну из них она принесла учителю. В другой раз она также свободно принесла из леса живого зайца.

Слава о затворнике распространялась, но он всё ещё числился за своим помещиком. После долгих просьб верующих дать Иоанну вольную барин согласился, потребовав за это тысячу рублей. Деньги собрали, и в 1833 году Иоанна приспали к Лебедянскому городскому обществу. Тогда же рядом с Сезёновской церковью для Иоанна выстроили келью в виде столба, куда он и переселился. Незадолго до своей смерти блаженный приказал в подполье клети сделать склеп, говоря: «Где мой дом, там будет мой гроб».

Тем временем свершалось предсказанное Иоанном крестьянину Бирюкову появление «колокольни с услышанным по всей Руси колоколом». Испросив дозволения и благословления у Тамбовского епископа, 8 сентября 1838 года в день Рождества Богородицы Иоанн заложил в Сезёново новый семипрестольный каменный храм, очертил пространство ограды своей железной палкой и на местах, где должны быть престолы храма, поставил деревянные кресты.

Рождение обители представляет собой ряд чудесных событий, свидетельствующих о помощи и покровительстве Божием. Подрядчик не хотел приступить к работе, не получив задатка и не имея материала для всего строительства. Иоанн уверенно заявил: «Подожди до завтра, Бог даст, всё будет». На другой день от неизвестных жертвователей привезли строительные материалы, а совершенно незнакомый помещик вручил затворнику на сооружение церкви пятьсот рублей. С Божьей помощью случилось и ещё одно чудо. Цоколь по окна был выведен всего за десять дней, тогда как на это требовалось не менее шести недель. А скоро глазам изумлённых прихожан представила вся величественная церковь.

Но Иоанну не суждено было видеть венец этих трудов. Положив прочное основание строительству, он скоро сам возвлёт на вечный покой вблизи храма как один из краеугольных камней возникшей по его предназначению

иноческой обители. Иоанн окончил дни своей жизни в сорок восемь лет, и случилось это 14 декабря 1839 года.

О кончине подвижника послали известить протоиерея Соборной церкви Лебедяни Аристарха Козьмина. Тот приехал в Сезёново с несколькими сопровождающими. Дверь кельи не поддалась. Пришлось выламывать окно. Умерший лежал у анаоля, со скрещёнными руками замерев в поклоне иконе Богородицы. Во время обмывания и одевания тела на Иоанна не было заметно никаких признаков смертности, а на лице даже виделся румянец.

Чтобы исполнить волю покойного – похоронить его в приготовленном им склепе, требовалось разрешение от Преосвященного епископа Тамбовского, поэтому некоторое время тело Иоанна пребывало непогребенным. Тысячи людей со всей округи стекались в Сезёново на поклонение своему наставнику, с утра до ночи его келья полнилась посетителями. Тело не поддавалось тлению, и многие ощущали исходящее от него благоухание.

Через 28 дней со дня кончины затворника, 12 января 1840 года его погребли. Во время литургии многие одержимые недугами видели, что на лице Иоанна выступал пот. Больные вытирали его платками, прикладывали их к больным местам и таким образом получали исцеление. Когда тело провожали к могиле, люди стремились прикоснуться к нему, и многие бесноватые становились здоровыми.

На протяжении десятилетий после смерти блаженного Иоанна толпы богомольцев посещали место упокоения подвижника. И все это время он распространял чудеса и исцеления для всех, с верой приходящих к нему.

Через много лет, уже после смерти Иоанна, келью перестроили в небольшую церковь во имя Преображения Господня, а затем, разобрав, взамен устроили каменный двухэтажный шестипрестольный храм во имя Святой Троицы. В Сезёновской Иоанно-Казанской женской обители хранились частицы мощей святых угодников Божих и святые иконы из Киева, Афона, в монастыре совершалось такое же благолепное служение, какое было учреждено в Иерусалиме. Всё, как и предсказывал Иоанн, свершилось.

В начале 1920-х годов, когда в нашей стране начались массовые разрушения православных святынь, сёстры обители спрятали мощи преподобного Иоанна под полом часовни в одном из сёл Ефремовского уезда Тульской губернии. В 2007 году по инициативе Липецкой и Елецкой епархии решено было вернуть честные мощи Иоанна на место бывшего его упокоения – в Сезёновский Иоанно-Казанский женский монастырь.

6 ноября – День иконы Божией Матери «ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ»

Праздник посвящён чудесному образу Богородицы, к которому обращаются люди в недугах и скорбях.

На святом образе изображена Дева Мария в окружении бедствующих людей.

Верующие молятся перед иконой «Скорбящей Божьей Матери» об утешении в нужде; в скорбях и печалих; при неизлечимых болезнях и душевном смятении; о вразумлении близких, потерявших верный путь; об облегчении душевных страданий.

Также у иконы «Всех скорбящих Радость» просят Богородицу об избавлении от нищеты и о пополнении продовольственных запасов, об избавлении от наркотической зависимости и алкоголизма, о решении сложных ситуаций на работе, о покровительстве сирот и убогих, о защите от врагов.

ПОЧЕМУ ТАК ВАЖНО МОЛИТЬСЯ О ПРЕДКАХ

Наше появление на свет Божий невозможно без предков. Более или менее мы знаем наших родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек. И даже в этом случае нам нужны четыре бабушки и дедушки, а значит, восемь прабабушек и прадедушек.

За двести пятьдесят лет, предшествующих нашему рождению, необходимы были жизни двух тысяч сорока шести человек! И эти люди трудились, молились, воевали, страдали и радовались, стараясь прожить достойно.

Это только деятое поколение от нас, а в одиннадцатом – уже четыре тысячи девяносто четыре человека!.. Разве мы им ничего не должны? А благодарность за наше рождение?..

Как отблагодарить? Молиться – хотя бы о тех, кого помним, добавляя после перечня имён: «И всех сродников».

Господь об этом сказал: долгая, счастливая жизнь всем, почитающим предков. И для этого мы идём в храм в родительские субботы.

Константин Савицкий. Панихида в 9-дни на кладбище. (1885 г.)

ХОРОНИЛИ ТИХОГО ЧЕЛОВЕКА...

Люди зашептались. Кто-то крестился: «Знак-то какой...», «Божий человек был...». А я стоял и ничего не понимал. Мой отец... и голуби? Он никогда не держал голубятню. Он вообще был человеком несентиментальным. Мой разум отказывался принимать это.

Когда всё было кончено и люди стали расходиться, ко мне подошёл старый кладбищенский сторож Тихон. Сухой кряжистый старик, похожий на корень дуба.

– Не дивись, сынок, – сказал он, кивнув на усевшихся на свежий холмик птиц. – Они своего провокают.

Я смотрел на него, и весь строй моих скорбных мыслей, всё моё недоумение – всё вдруг замерло, уступая место чему-то новому.

– Я тут сорок лет работаю, – продолжил Тихон, глядя не на меня, а на могилу. – И все сорок лет твой отец приходил сюда. Не только к своим. Он просто ходил по аллеям. И кормил их. Каждый день. В любую погоду. Зимой, когда снегу по колено, он тропинки прокапывал, чтобы им легче было...

В этот миг всё перевернулось в моей душе. В оглушительной тишине, наступившей внутри, я вдруг всё понял.

Я смотрел на эту стаю. И это были не просто птицы. Это была его вторая семья. Его тайная паства. Его единственные настоящие друзья, которые знали о нём то, чего не знал даже я. Я мерил его жизнь должностями, зарплатой, достижениями. А его настоящая жизнь, его ежедневный, никому не видимый подвиг милосердия измерялся горстями пшена. Он не строил храмы. Он кормил малых сих. Он не произносил проповедей. Он просто любил.

Само ощущение того дня преобразилось. Сырость, которая весь день казалась мне ледяным саваном, вдруг стала другой. Капли, падавшие на моё лицо, ощущались не холодными, а тёплыми. Словно небо плакало не от горя, а от умиления. Этот дождь больше не был знаком безнадёжности. Он был омовением.

Я смотрел на могилу отца, на сидящих на ней голубей, и во мне больше не было сожаления о его «маленькой» жизни. Во мне была огромная тихая радость. Он не оставил следа в мире людей. Но он оставил неизгладимый след в памяти Божьих созданий. И они пришли отдать ему последний долг. Пришли засвидетельствовать перед Небом и землёй, что уходит не незаметный человек. Уходит любящее сердце.

Мы привыкли измерять жизнь человека делами, которые можно вписать в некролог. А Господь измеряет её той любовью, которую не видит никто, кроме Него. И может быть, самый главный суд, который нас ждёт – это не суд людей, а молчаливое свидетельство тех самых малых сих, которым мы, не ожидая награды, просто отдавали свой хлеб.

Сергий Вестник

День похорон моего отца был серым и плачущим. Дождь не давал ни единой надежды на просвет. Горстка людей под чёрным кладбищенским навесом казалась такой же сиротливой, как и я. Всё было под стать его жизни – тихой, незаметной, почти не оставившей следа. Но потом, в самый разгар отпевания, случилось нечто, что заставило всех замолчать. И это были не люди.

Весь тот день был пронизан одним ощущением – холодной, проникающей в самую душу сырости. Она была не просто в воздухе. Она прониралась под пальто, впитывалась в кожаные перчатки, леденила кости. Казалось, само мироздание остыло и намокло. Эта сырость была запахом сиротства, запахом окончательной, бесспоротной точки, которую ставит смерть.

Мой отец, Анисим, был тихим человеком. Таким тихим, что его присутствие было легче почувствовать, чем заметить. Он не оставил после себя ни громких дел, ни больших денег. Только старый дом, полный книг, и меня. Я любил его, но где-то в глубине души всегда жила тонкая, печальная мысль о том, что его жизнь прошла так... незаметно. Как этот мелкий серый дождь, который просто идёт, не становясь ни ливнем, ни грозой.

Мы стояли под навесом у вырытой могилы. Священник начал отпевание. Его тихий монотонный голос тонул в шорохе дождя по брезентовой крыше. Всё было правильно, чинно, но этой скорби не хватало света. И тут, в этой серой безнадёге, раздался неуместный звук.

Хлопок крыльев. Один голубь, взъерошенный, мокрый, откуда-то выпетел и уселился на самый край навеса. Потом второй. Третий. Они брались ниоткуда. Из-под карнизов склепов, из голых ветвей старой липы. Через несколько минут под крышей нашего укрытия, на балках и перекладинах, сидела целая стая. Они не шумели, не дрались. Они просто сидели и смотрели вниз, на гроб.

А потом, когда священник запел «Вечную память», началось тихое утробное воркование. Оно не было громким, но оно было таким всепроникающим, таким глубоким, что, казалось, исходило от самой земли. Оно сплеталось с голосом священника, с плачем старух, со стуком капель. Оно стало частью службы. Частью прощения.

И когда гроб стали опускать в могилу, случилось то, от чего у всех поползли по коже мурашки. Птицы сорвались со своих мест. Но они не разлетелись. Они стали кружить. Медленно, торжественно, круг за кругом, прямо под сводами навеса, в этом тесном пространстве. Их крылья создавали не шум, а тихий мощный ветер, который осушал слёзы на щеках. Они летели, и в их молчаливом полёте было больше скорби и величия, чем во всех наших словах.

* * *

Ночью он плакал.
О чём – всё равно.
Многое спутано,
затаено...

Ночью он плакал,
и тихо над ним
жизни сгоревшей
развеялся дым.

Утром другие
приходят слова.
Перебираю,
но помню едва...

Ночью он плакал...
И брезжил в ответ
слабый, далёкий,
а всё-таки – свет.

Георгий Адамович

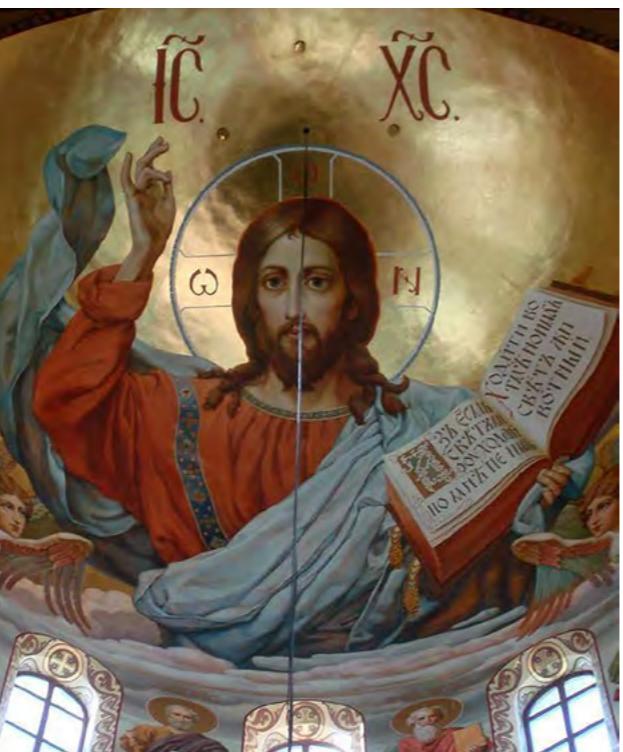
ЧТОБЫ ИСТИНА УСВОИЛАСЬ СВОБОДНО

«И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься» [Мф. 9, 15-15; Мк. 2, 19-20; Лк. 5, 34-35].

Общий смысл этих слов Христа, поясняет «Толковая Библия» А.П. Лопухина, одинаков у всех трёх евангелистов. Речь эта была направлена к ученикам Иоанна Крестителя и напоминала им о том, о чём раньше говорил сам Предтеча Христов. По свидетельству евангелиста Иоанна, когда у учеников Крестителя был спор с иудеями об очищении и когда ученики его пришли и сказали Иоанну о Христе [Ин. 3, 25-28], то Предтеча им говорил: «...имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха» [Ин. 3, 29]. Смысл в приводимой в начале евангельской цитате до буквальности сходен по смыслу с этой речью Крестителя. Но вместо слов Иоанна, который только себя считал «другом жениха», Христос говорит теперь о многих «друзьях», «сынах чертога брачного», а это почти то же, что наши «дружки» на свадьбах... Отвечая, Спаситель принимает на Себя образ Жениха, указанный Крестителем.

Этот образ не есть что-либо новое, он имеет свои основания в Ветхом Завете. У евреев брачные пиршества продолжались до семи дней и были временем радости и веселья, а пост служил признаком скорби. Присутствие Христа как Жениха среди «сынов чертога брачного» должно было уничтожить в них скорбь. Но такое время будет продолжаться не всегда, уточнял Спаситель. Подобно тому как свадебные торжества кончаются, и «дружки» расходятся по домам, так кончится и пребывание Христа с учениками. После его отшествия ученики и будут поститься. Тогда начнётся повод, и будет время и для поста, и для разных выражений скорби. Справедливо замечают, что здесь в первый раз Господь указывает на Свои будущие страдания.

Святитель Иоанн Златоуст пишет, что в ответ на вопрос о посте «Он не укоряет учеников Иоанна, и не называет их тщеславными и кичливыми, но со всею кротостью отвечает им. Когда Христос защищал других, именно мытарей, то для утешения сокрушенного духа их сильно обличал поносителем; а когда укоряли Его и учеников Его, Он отвечает со всею кротостью: «Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених?». Прежде Он наименовал Себя Врачом, а теперь называет Женихом, открывая этими наименованиями неизреченные тайны. Он мог бы сильнее обличить их такими словами: вы не имеете права постановлять законы касательно поста! Какая польза в посте, когда душа исполнена лукавства, когда обвиняете других, когда осуждаете их, сами имея бревна в глазах своих, и всё делаете для того, чтобы показать себя? Прежде всего должно изгонять тщеславие и исполнять добродетели: любовь, кротость, братолюбие. Но Христос не говорит ничего такого... Смысл же слов Его следующий: настоящее время есть время радости и веселья; итак, не делай его временем печали... Не этим только Спаситель заражает уста учеников Иоанновых, но и когда говорит: «приидут дни, егда отнимется от них жених, и тогда постятся». Так Господь начинает предсказы-

вать и о Своём страдании, заранее приучая учеников Своих помышлять о происшествиях действительно скорбных... Но о Воскресении Своём Он не говорит ещё ничего, потому что не пришло время».

Профессор А.И. Осипов в книге «Жизнь с Евангелием», рассуждает так: «Господь приводит пример, как нужно относиться к человеческим установлениям. Он называет Себя Женихом, а пребывание с Ним – временем радостного брачного пира, на котором, естественно, не может быть ни поста, ни пе-чили. Этим иносказанием Христос показывает, что в правильной духовной жизни требуется прежде всего следование заповедям Божиим, а не формальное повинование букве правил и обычаев, которое лишь постольку необходимо, поскольку способствует исполнению заповедей. Апостол Павел утверждал: «Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» [2Кор. 3, 6]. «Вера, – писал святитель Игнатий Брянчанинов, – должна быть соединена с благоразумием, которое признаётся величайшей христианской добродетелью». Когда же отнимется Жених, то есть когда Он отойдёт от земли видимым образом, и мы будем разлучены с Ним, тогда и наступит время поста. Так это и произошло: и у апостолов наступило тяжёлое время проповеди, гонений и практически постоянного поста, и Церковь установила особые времена поста и молитвы.

Высший смысл того, почему отнимется Христос, хорошо объяснил А.С. Хомяков: «Христос зримый – это была бы Истина, так сказать, навязанная, неотразимая (по вещественной осозательности Её проявления), а Богу угодно было, чтобы Истина усвоилась свободно. Христос зримый – была бы Истина внешняя, а Богу угодно было, чтобы Истина стала для нас внутреннею – по благодати Сына в ниспослании Духа Божия».

ГОСПОДЬ С ТЕМ, ЗА КЕМ ПРАВДА

Две эпохи, две даты, два сражения: битва на реке Неве 15 июля 1240 года и Куликовское побоище 8 сентября года 1380-го. Меж ними – сто сорок лет.

Сражение новгородских и переславских дружин со шведами на реке Неве было важным звеном в формировании судеб Северо-Западной Руси. Через боль, страдания и унижения со стороны католического Запада и ханской Орды обретала наша земля собственный Русский национальный путь. Самый главный вопрос любой нации – быть ей или не быть в исторической перспективе. И в конце XIV века на него ответили русские своей победой в Куликовской битве.

Невское избиение шведов Запад не мог не признать: их же хроники этот факт для потомков оставили. А вот о битве на поле Куликовом расположившиеся на излёте XX столетия либеральные «ниспровержатели мифов» не раз заявляли, что, дескать, не сражение то было, а так, местечковое столкновение улусников Золотой Орды. Нечем, будто бы, и гордиться. Врали беззастенчиво: Куликовская битва – геополитическое событие, письменно отражённое в различных источниках от Северных морей до Индии, включая арабский мир.

Обе битвы отмечены поединками, повлиявшими и на исход сражения, и на судьбу России. Молодецкий удар русского копья в первом случае и русское жертвенное противоборство – во втором. На Неве сошлись князь Александр Ярославич со шведским королевичем-ярлом; у рек Непрядвы и Дона встретились в бою Александр Пересвет и Темир-мурза Челубей.

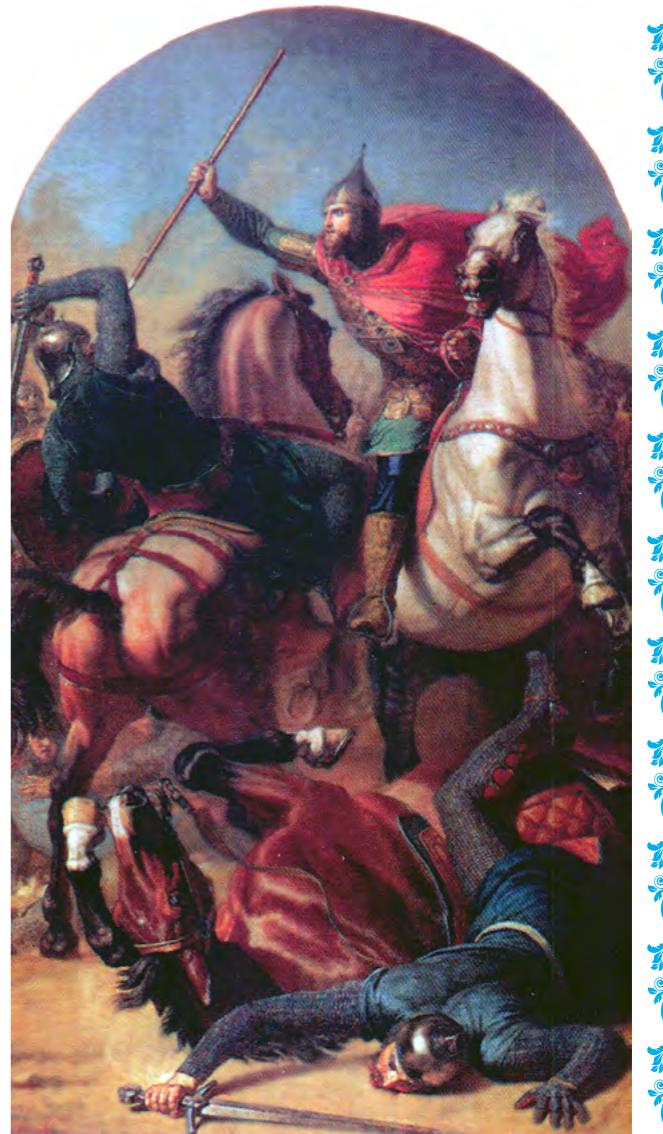
С кем именно боролся князь Александр? Русские летописи называют королевского зятя Биргера. Однако последний стал ярлом, то есть регентом государства и главой войска Швеции лишь через восемь лет после Невского сражения, а в 1240 году ярлом являлся Ульф Фаси. На Неве бились оба шведа, но неслучайно князь Александр схватился всё же с Биргером: ведь именно он в критической ситуации сплотил вокруг себя деморализованное напором русских вражье войско. После чего исход сражения мог принять иной оборот.

В этот момент Ярославич и сошёлся в поединке с будущим правителем шведов. Отбив копейный выпад ярла, новгородский князь точно ударил своим копьём в щель опущенного забрала противника, «остави печать на лице его». Швед в седле удержался, и оруженосцы тяжелораненого Биргера поспешно увезли его на корабль. Так шведское войско осталось без реального вождя – ни ярл Фаси, ни сражавшиеся наравне с рыцарями католические священники заменить Биргера не смогли. Поединок Александра Невского предопределил русскую победу, а «печать» на лице Биргера осталась её несомненным напоминанием.

Иное дело бой Александра Пересвета и Темир-мурзы Челубея. Некоторые горе-исследователи, рассуждая о Куликовской битве, считают богатырское единоборство не более чем легендой. И аргумент ими приводится, казалось бы, неопровергимый: поединки на Руси и в Золотой Орде строго запрещались. Действительно, в Орде священный закон монголов «Ясса» запретил поединки ещё в XIII веке. Однако позже, с принятием ислама, данный запрет нарушился сплошь и рядом. Что касается Руси, «непротивимость» этого довода тоже сильно хромает. В ту пору и на Западе практиковались рыцарские тур-

ниры, и древняя Русь знала, как минимум, три вида боевых единоборств. Аналогом рыцарского турнира являлись русские богатырские «игрушки». Летописи рассказывают о подобных молодецких забавах на Москве, в Коломне и в Переяславле-Залесском. Церковью «игрушки» осуждались. Однако в правовых отношениях наших предков имелось понятие «Судное поле», когда спорщики с оружием в руках выходили на Суд Божий, ибо считалось, что в поединке Господь поможет тому, за кем правда. То есть традиции такого противостояния существовали.

Так, наши летописи повествуют, как в 992 году русский богатырь голыми руками удавил печенега и ударили его о землю, вышибив из противника дух. Через двадцать лет исход битвы по обоюдной договорённости решил единоборство Мстислава Тьмурараканского и кашинского князя Редеди – победителем вышел Мстислав. И позже, когда 12 августа 1399 года перед сражением русско-литовских и польских отрядов с войском Золотой Орды состоялся поединок рыцаря православного вероисповедания Сырокомли с татарским мурзой.

Фёдор Моллер. Александр Невский побеждает ярла Биргера на реке Ижоре. (1866 г.)

Продолжение на стр. 14-15

Так что утверждение, что поединок Пересвета и Челубея легенда – это вклад в разрушительную работу по десакрализации русской истории, принижению её святынь и духовному опустошению. По мнению замечательного исследователя О.Г. Вронского, бой Пересвета и Челубея давно стал материальной силой, обрёл статус феномена культуры, поселился в наших сердцах и молитвах. Остаётся уточнить вопрос: был ли поединок перед битвой или во время оной.

Главным компонентом «сакральной истории», направленным на сохранение национальной системы ценностей, по Вронскому, является историко-художественный образ. В кинокартине С. Эйзенштейна «Александр Невский» поединок русского князя и немецкого магистра выдуман, но этот важнейший эпизод фильма – яркий пример художественного воплощения народных чаяний и надежд на преодоление нашим Отечеством всех бед.

Не единожды увековечен в искусстве и бой Пересвета с Челубеем, в первую очередь, в искусстве изобразительном. Художники, представляя на полотне поединок, привнесли в сюжет частичку своего видения, и одной из лучших считается работа М.И. Авилова «Поединок на Куликовом поле», написанная в 1943 году. Художественный образ, созданный Авиловым, одухотворён событием, в котором едины Бог, Правда и русский характер.

В эпоху Куликовской битвы Русский мир иначе взглянул на учение святого митрополита Московского Петра об Искупительной Жертве. Которая, согласно ему, одна способна укротить Гнев Божий за княжеское братоубийство и покорность Орде. И первым в жертвенный ряд встал уроженец брянщины инок Троицкого монастыря Александр Пересвет. Очевидно, его появление на Москве произошло во время литовской

агрессии и массового исхода населения из Брянских земель в 1365-1370 годы, так как на поле Куликова Александр отправился уже монахом-схимником, а этот чин достигается не в одночасье. Схиму Пересвет мог принять и незадолго до похода, 12 августа, в память священномученика Александра Команского.

Посвящение инока в схиму в Троицком монастыре – случай для того времени исключительный и первый из двух «отступлений» старца Сергия от своих же заповедей: не постригать в схиму во исключение неравенства между иноками. Второе «нарушение» преподобного – благословение Пересвета на битву, ибо преподобный Сергий под угрозой отлучения от Церкви запрещал монахам брать в руки оружие. Как отличается это от поведения католических священников, что по давнему примеру крестоносцев сражались в рыцарских доспехах и с оружием в руках! Но вовсе не с язычниками, а с православными христианами на берегах Невы.

Пересвет до своего прихода к монашескому житию сполна потрудился на ратной ниве, но кто из смертных заранее предскажет путь человеческий? Пришло время, и воин удалился от суетного мира, принял постриг в Борисоглебском монастыре Ростова Великого, а через некоторое время оказался в основанном преподобным Сергием Радонежским монастыре во имя Святой Троицы. Что побудило его стать монахом, можно лишь предполагать. В католической Европе для мирянина мерилом избрания той или иной обители являлись богатство и процветание её хозяйства, а также влияние монастырского духовенства на власть предержащих. Святая Русь во главу угла ставила личность, духовный облик основателя или игумена монастыря, осознание его подвижничества и близости к Богу.

Русский монастырь первой половины XIV века являлся особножительным – инок строил келью, работал и молился в уединении, а с братией встречался лишь на общих Богослужениях. Но с конца 1360-х годов в русских монастырях вводится общежительный устав, при котором все трудятся, трапезничают и молятся сообща. Личность и подвиг Пересвета словно аккумулировали этот новый подход – от особого к общему, где обитель стала примером единения, а выход Пересвета на смертельный бой «за други своя» и его точный удар, поразивший могучего противника – показателем последующего объединения Руси.

С кем бился Пересвет? Древнерусские источники придают противнику Александра собирательный образ злых врагов Руси – он и «злой татарин», и даже «печенег», имеются и частные уточнения: обладавший огромной силой и магическими знаниями Темир-мурза Челубей являлся прежде ордынским монахом, избравшим путь воина.

Сам поединок перед Куликовской битвой – олицетворение битвы сил Божьих, сил Света против тьмы, противоборства Добра и Зла, воплощённое в разовом единоборстве. В этом тоже сакральность истории. А ещё для наших предков бой стал тем самым Судом Божиим, где Господь – с тем, за кем правда. Неслучайно и летописи, и «Сказание о Мамаевом побоище» упоминают: «Пересвета-чернеца на место суда привели».

В Невской битве вызов шведскому ярлу бросил наш князь Александр, а на поле Куликовом поединка жаждали прежде всего ордынцы, ибо их ставленник являлся до той поры непобедимым. И, полагали они, сразив русского воина ещё до общей битвы, мог сразу же уничтожить нашу веру в победу.

Челубей, надменно разъезжая перед строем русского Передового полка, выкрикал противника, подобного себе. Речь здесь однозначно не о физической силе, которая, знал Темир-мурза, всегда на стороне Князя Тьмы. Тогда о чём же? О воинском духе, личной отваге. И – о чём он не помышлял – о смирении перед Волей Божьей... Ибо смотрят Небеса на землю.

Кто ответит страшному поединщику? А принимать вызов надо... И вот из рядов русского полка выехал «подобный мурзе» Пересвет – бывший воин, ставший монахом. Оружие скрестили два противоборствующих: ордынец, вознесший свой ум к гордыне – и оставилший мирскую гордыню для смиренния русич.

Противники разогнали коней. Те взъярились, сшиблись. Всё свершилось в единий миг, короткий и вечный. Челубей ожидал, что под схимой у русского будет доспех, и привычно вложил в мощный удар столько

силы, чтобы длинным копьём своим пробить броню. А копье Пересвета было короче челубеева. Но доспехов у русского витязя не оказалось. Обычная защита ратника отсутствовала по велению старца Сергия: инок Александр надел лишь монашеское облачение. Отправляясь на ратный подвиг, Пересвет вкупе со щитом Веры обрёл оружие нетленное – вышитый на схимическом клубке Крест Христов. Схима символизировала доспехи, в которых православный инок выходил на бой с нечистью. Ведь ещё Нил Мироточивый говорил: «Принятие схимы есть вступление в решительное сражение с дьяволом».

Миг – и Пересвет сознательно «нанизался» на копье Челубея. Ценой страшной сквозной раны он приблизился к врагу на нужное расстояние, достал его своим копьём и насмерть поразил неуязвимого дотоле великана. Копьё Челубея вошло в тело Пересвета прямо через изображённый на схиме крест. Но, по Промыслу Божьему, удар Темир-мурзы, пронзивший русского инока-витязя, стал смертельным и для его противника, сражённого Пересветом. И этот факт глубоко поразил волю и как будто самое сердце Мамаевой Орды, послушной исполнительницы замыслов католического Запада.

Ноги поверженного мурзы застряли в стременах, и его могучий скакун потащил огромное туловище по сырой утренней траве к расположению ордынцев. Пересвет же удержался в седле. Приникнув к шее коня, мёртвый богатырь вернулся к своему полку, своей жертвенной смертью вдохнув во всех, кто видел его бой, веру в победу, преодолевшую страх перед Ордой.

Уже после побоища князь Дмитрий, стоя над телом погибшего инока, изрёк: «Видите, братья, зчинателя своего. Ибо этот Александр Пересвет, пособник наш, благословенный игуменом Сергием, и победил великого злого татарина, от которого испили бы многие люди смертную чашу».

Знал ли Александр, что падёт на поле брани? Да, сказал ему об этом перед битвой товарищ его, схимник Родион Ослябя: «Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны тяжкие; уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль ...на речке Непрядве, за Веру Христианскую и за Землю Русскую».

Но знал Пересвет и иное. Что есть земная жизнь? Юдоль временная. А гибель за другие своя есть жизнь вечная. Да и как могло быть иначе, если в стане русских ратников находилась хоругвь, перед сражением преподнесённая Дмитрию Московскому людьми с Дона Великого. На одной стороне хоругви был выткан образ Пресвятой Богородицы, на другой – Её Успение...

* * *

Русь листок последний сронит –
И тогда заметим мы:
Нет, не нашим ветром клонит
Наши, русские дымы!
Наши травы, наши ветви,
Наши сумрачные дни...
Ну, а где же наши ветры,
Что гуляли искони?
Что шумели, что летали,
Будто духи во плоти,
И смыкали, и сплетали
Годы, судьбы и пути...
Обнимали... Обжигали!
И спасали от невзгод
Синим небушком в прогале
Разгулявшихся погод...
Где ж вы, ветры? Не пора ли
Гикнуть, душу веселя?
Чтоб чужие не орали,
Нашу родину деля...

Александр Нестругин

Игорь Маркин

КУДА И КАК ИДТИ

Вне зависимости от того, как давно человек обратился к Богу, с ним случаются те или иные события, которые влияют на его духовный облик, определяют нравственный выбор и, в конечном счёте, формируют его жизненный путь. Бывает, в речи верующих или в литературе звучат слова «искушение», «составлен» и «прелесты». В своих размышлениях православный психолог Александр Ткаченко уточняет, какие именно явления в нашей жизни описывают эти понятия, используя простые и внятные образы.

Поскольку у всякого действия имеется цель, которую желательно достичь, то чтобы прийти в нужное место, человек должен соблюдать как минимум два условия: во-первых, надо знать ориентиры, по которым можно туда добраться, и их отслеживать на пути, а во-вторых, следует внимательно смотреть по сторонам и под ноги, чтобы не споткнуться о какое-нибудь препятствие или не попасть в дорожное происшествие. И поскольку цель христианина – Царствие Божие, то ориентиры, по которым он движется, – это заповеди Евангелия, не позволяющие сбиться с маршрута; а искушения, соблазны и прелесть – те препятствия, что встречаются на этом пути.

Как ни странно, предком слова «искушение» является глагол «кусать». Кусать – не только отрывать зубами часть (кусок) от целого. Обрести начальный смысл слова помогает поведение маленьких детей, которые многие предметы тянут в рот, чтобы, так сказать, испробовать «на зуб и на вкус», проверить, что это такое обнаружилось поблизости, понять, можно ли его разгрызть, раскусить. Соответственно, и слово «искус» означает некое испытание, проверку на прочность, на обладание какими-то важными качествами. Так что искушение – это особенный опыт, некий процесс, позволяющий человеку выявить в себе нечто до поры скрытое, как хорошее, так и плохое. Да и для окружающих в итоге некое «тайное» станет «явным». Искушение предлагает нам набор обстоятельств, в которых мы оказываемся перед необходимостью выбирать между правдой и ложью, честью и низостью, верностью и изменой. И в зависимости от того, что мы предпочитаем, искушение может закончиться как нашим поражением, так и нашей победой. Причём стать искущением может рядовой факт повседневной жизни, когда какая-то ситуация словно бы пробует человека «на зуб», проверяя, насколько он прочен в своих убеждениях, честен, милосерден, терпелив... Готов ли, к примеру, устоять перед внезапной возможностью решить свои проблемы ценой присвоения чужих денег или имущества, прибегнуть к помощи обмана, лжесвидетельства, взятки, не говоря уж о более тяжких преступках. И если человек устоит, то выйдет из искушения с новыми духовными силами, которые обретёт в результате этого опыта. А если не выдержит, то искушение окажется для него духовной катастрофой, которую в христианской традиции принято называть грехом, и которая может трагически изменить всю дальнейшую судьбу личности.

Важно понимать, что на самом деле в искушении мы стоим на разилке между возможностью роста и возможностью падения. Искушение – это и кризис, и потенциал для развития, это приобретение опыта, который даст человеку знание и силу для преодоления своих слабостей и для помощи другим людям. И стать искусственным в борьбе с грехом без опыта прохождения че-

Джон Роддэм Спенсер-Стенхоп. Искушение Евы. (1870 г.)

рез искушения вряд ли возможно. Однако специально проверять себя на прочность и ставить в ситуацию подобного выбора не стоит. Не случайно в главной молитве христиан «Отче наш» звучит прошение к Богу «...и не введи нас во искушение». Сам Господь Иисус Христос проходил через различные искушения в Своей земной жизни. Он хорошо знает человеческую слабость, страхи, сомнения, и всегда готов прийти на помощь к тем, кто Его об этой помощи просит: «...Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» [Евр 2, 18].

Соблазн, в отличие от искушения, это не процесс, а орудие искушения, именно то, чем человек в этом процессе искушается. Это некий условный «предмет», который влечёт к себе человека, не отпускает его мысли и сердце в тех случаях, когда ценой приобретения желаемого может стать нарушение Божьих заповедей. Соблазняется человек богатством, славой, успехом у противоположного пола, властью... Соблазном может обернуться всё что угодно, от игрушечного автомобиля или модного костюма до президентского кресла. Так, сатана искушал Иисуса Христа тремя соблазнами – сытостью, славой и властью.

Само слово «составлен» происходит от древнерусского слова «блазнь» – приманка, введение в заблуждение, создание путаницы. В блазни присутствует тонкая грань между правдой и ложью, между желаемым и действительным, цель её – привести человека к внутреннему конфликту и сомнению. Есть у этого понятия и ещё одно значение, которое в разговоре о духовной жизни представляется весьма важным. Блазнь – это морок, обман чувств, призрачное явление. Блазнить – чудиться, манить, мерещиться, казаться, морочить, обманывать... Соответственно, соблазн – это кажущееся, обманное, не настоящее благо, иллюзия счастья, которая развеется тут же, как только человек нарушит ради него Божью заповедь. Собственно, грех – это и есть неверное движение души в сторону соблазна, прыжок с обрыва навстречу призраку из смысла и тумана. Блазнь ассоциируется с манипуляцией, с намеренным введением в заблуждение другого человека. Она может иметь и форму обольщения, включать в себя не только физическую, но и эмоциональную составляющую, когда кто-то искушает другого, скрывая свои истинные намерения. В этом приёме зло, пряча собственную природу, паразитирует на здоровых импульсах человеческой

природы, заложенных в нас Господом, паразитирует на добре, искажая его до неузнаваемости.

Например, человек хочет есть, это вполне естественная потребность. Но можно пожарить себе яичницу или съесть булку, а можно отобрать школьный завтрак у первоклассника. Или вместо того, чтобы просто утолить голод, ненасытный обжора обеется и получит заворот кишок... Таким образом, грех рождается как неверно выбранное направление действия человеческой воли. Греческое слово «камартия», означающее «грех», буквально переводится на русский язык именно как «мимо цели», «промах». Совершая грех, человек нацеливается на что-то и вроде даже попадает, но потом оказывается, что сама эта цель изначально была неверной, иллюзорной и, кроме вреда, ничего не принесла. Эта ложная цель и есть соблазн.

Сегодня слово «прелесть» обычно употребляется в положительном смысле, подчёркивая красоту, высшую степень изящества, привлекательность чего-либо. «Чистейшей прелести чистейший образец» – так накануне свадьбы восторженно писал Пушкин о знаменитой «Сикстинской Мадонне» Рафаэля, находя в изображении Богоматери черты сходства со своей избранницей Натальей Гончаровой. А в трилогии Толкиена «Властелин колец» Голлум с восхищением обращается к случайно попавшему в его руки кольцу всевласти «моя прелесть»...

Между тем по своему происхождению слово «прелесть» славянское. А корневая основа его «-лесь» заимствована из древнегерманского языка, где слово «lists» значило «козни», «хитрости». То есть «лесь» всё равно что «ложь», а прелесть – готовность её принять, самообман... Странное дело: прелесть – и вдруг козни! Какая же связь? Однако напомним, что во времена Пушкина «прелестный» значило также и «соблазнительный», «прельщающий», а ещё столетием раньше «прелестными» назывались, скажем, прокламации бунтовщиков или подкидные письма иностранных агентов, склоняющие к измене.

В православной традиции прелестью называют усвоение человеком лжи, принятой за истину, состояние омрачения одной или нескольких сил человеческой души, возникающее в результате воздействия на человека злых духов [Быт. 3, 13]. Дело в том, что на определённом этапе к процессу самообмана подключается ещё один участник – тот самый, который предлагал Иисусу броситься вниз с тридцатиметровой высоты Иерусалимского храма. Евангелие говорит, что диавол «...повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твою» [Лк. 4, 9-11].

Так что прелесть – состояние, в котором человек обычно сначала обольщает себя сам мыслями о собственной духовной исключительности. Так он открывает доступ к своей душе для врага человеческого рода. Далее прельщать человека начинает уже дьявол. В широком смысле прелестью можно считать любое состояние человека, когда он творит грех и идёт в погибель, но убеждён, будто у него всё в порядке. Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Неверный ученику Христову, последующий своей воле и разуму, подчиняется врагу, и из состояния самообольщения переходит к состоянию бесовской прелести, теряет остаток своей свободы, вступает в полное подчинение диаволу. Со-

стояние людей в бесовской прелести бывает очень разнообразно, соответствующей той страсти, которою человек обольщён и порабощён, соответствуя той степени, в которой человек порабощён страсти. Но все, впавшие в бесовскую прелесть, то есть чрез развитие собственного самообольщения вступившие в общение с диаволом и в порабощение ему, находятся в прелести, суть храмы и орудия бесов, жертвы вечной смерти, жизни в темницах ада».

Искушение, соблазн, прелесть... Все эти понятия, несмотря на их разнообразие, можно объединить в общую систему, где у каждого из них будет своя роль и функция.

Искушение – это процесс, испытание, в котором человек проверяется на духовную прочность. **Соблазн** – это орудие, предмет искушения, то самое, что прельщает человека, манит к себе ценой нарушения евангельских заповедей. **Прелесть** – это состояние, в котором оказывается человек, не устоявший перед соблазном, но при этом упорно не желающий каяться, объясняющий самому себе и миру, что он всё сделал правильно.

Все это вещи неприятные и даже опасные. Но не зря говорят: предупреждён – значит, вооружён. Тот, кто знает об опасности, сможет её опознать, вооружиться против неё и успешно ей противостоять. А оружие против всех видов греха у христиан во все времена было одно и то же – молитвенное обращение к Богу за помощью. И там, где, казалось бы, уже нет никаких сил противостоять искушению и соблазну, всегда остаётся возможность сказать в глубине души: «Господи! Ты видишь, как я слаб, но я не хочу грешить. Прошу Тебя, помоги!» И помочь обязательно придёт. Правда, для этого необходимо одно условие: нужно действительно не хотеть грешить. И тут уж решение остаётся только за нами. Даже Бог не может помочь человеку там, где он сам не хочет этой помощи.

Владимир Полнобродский. Искушение. (1988 г.)

НА КРАЮ ПРОПАСТИ: ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛПЫ

В сентябре 1799 года войска под командованием великого русского полководца Александра Суворова совершили героический переход по альпийским горам через один из самых труднодоступных перевалов – Сен-Готард. Суворовские чудо-богатыри сделали то, что считалось невозможным в принципе.

Появление русских войск в Швейцарии и в пределах Италии произошло не вдруг, ему предшествовали военно-политические события в Европе. В ту пору Австрия и Пруссия начали войну с Францией и, как всегда, попросили помощи союзной России. Сначала император Павел I отказался от прямого участия в противостоянии: наша армия почти полвека находилась в непрерывных боевых действиях, ей необходима была хотя бы малая передышка. Но европейские союзники приложили все усилия, чтобы втянуть Россию в очередную выгодную им бойню. В итоге большую часть царствования Павла I Россия или сражалась с Францией, или находилась в военной конфронтации с недобросовестными «союзниками».

Упрочивая международное положение России в Средиземноморье, в 1797 году русский император взял под своё покровительство остров Мальту, заключил с Мальтийским орденом госпитальеров договор, по которому те ежегодно получали значимые денежные вливания. Мальтийцам был передан Воронцовский дворец в Петербурге, началось возведение замка в Гатчине. Взамен рыцари наделили Павла I титулом протектора Мальтийского ордена, начали принимать в свой состав рыцарей «греческого вероисповедания», одним из которых стал Александр Суворов. Через год Наполеон захватил Мальту, бросив закулисный вызов России, после чего оскорблённый Павел и присоединился к антифранцузской коалиции. Объединённый русско-османский флот под командованием Фёдора Ушакова вошёл в Адриатическое море, овладел Ионическими островами и крепостью Корфу. Высаженный Ушаковым десант освободил от французов оккупированные ими Неаполь и Рим.

Главным театром военных действий стала Северная Италия – Ломбардия, которую русские очистили от французских войск за полтора месяца. В упорном трёхдневном сражении Суворов разгромил их при реке Адде, без боя занял Турин и Милан. Запаниковавший министр иностранных дел Франции Талейран писал Наполеону в Египет: «Суворов дерётся, как лев, и поклялся положить оружие только в Париже. Приезжайте, генерал, скорее». Бонапарт скоро прибыть не мог: после его знаменитой победы у пирамид англичане блокировали морской путь, и Наполеон оказался в египетской ловушке. Только осенью он, оставив армию на африканском севере, двумя кораблями прорвётся сквозь кольцо английской блокады, в октябре 1799 года прибудет в Париж, а уже 9 ноября, совершив государственный переворот, установит свой авторитарный режим.

Это будет позже, а в начале июня 1799-го русская армия, за полтора дня стремительным маршем преодолев около восьмидесяти вёрст, с ходу начала сражение у реки Треббии. Французские силы командующего Жубера были разгромлены Суворовым у города Нови, сам Жубер убит. С падением крепости Мантуи Северная Италия оказалась под полным контролем русской армии.

Однако эти военные успехи обнаружили двуличность Австрии, ещё недавно просившей у России помощи. Австрийцы зарились на Ломбардию, русские войска в Италии теперь им мешали. Требовалось скорее удалить оттуда Суворова: он был слишком популярен среди итальянцев, которые оказывали ему всяческие почести. И союзники упросили Павла срочно направить в Швейцарию, где австрийская армия долго и безуспешно воевала с французами, войска под командованием непобедимого русского фельдмаршала, с тем чтобы там соединились они с главными частями армии Римского-Корсакова. Выполняя приказ, великий старец избрал кратчайший, но самый трудный путь – через перевал Сен-Готард...

Свой швейцарский поход через Сен-Готард Суворов начал 10 (21) сентября. В Альпах уже вовсю хозяйничала зима: большая часть перевалов обледенела, горные «коэзы» тропы завалил снег, а бесконечные выюги не позволяли видеть дальше вытянутой руки. К тому же австрийцы почти на неделю задержали доставку продовольствия и мулов. Совершать переход в таких условиях – самоубийство... Суворов полагал воспользоваться планом похода, предоставленным ему австрийцем Вейротером. Однако выяснилось, что карта, составленная не на местности, а в кабинете, действительности не соответствовала: половины из нарисованных там дорог не существовало в природе. И эту «филькину грамоту» поспешили вручить русскому полководцу, возглавившему опаснейший горный поход!

В отсутствии точной карты и дорог Суворов повёл армию «карназами» – тропами шириной в полметра по-над пропастью, для войска почти непроходимыми. Временами фельдмаршал ещё и сходил с карназов, ведя своих «детушек» прямо через пики вершин. С альпийских горных высот глянуть вниз – и всадник с конём птичкой кажется. А под ногами у того, кто смотрит – бездонная пропасть да плотные облака, что ниже всех участников боевого перехода... Шли наши солдаты над ледяными облаками трудно – задыхаясь, карабкались, тащили снятые с лафетов пушки. Неосторожное движение вызывало камнепад, валуны с грохотом летели вниз, и эхо от их падения не скоро поднималось до карназов...

На третий день похода русско-австрийский корпус упёрся во французский пост. Атаковать позиции противника в лоб бессмысленно, и Суворов направил в обход французов на Сен-Готарде авангард Багратиона и дивизию Повало-Швейковского. По долине двинулись две сотни егерей из полка майора Фёдора Тревогина, вверху по узким тропам пробирались три сотни солдат Орловского пехотного полка под командованием полковника Иосифа Трубникова. Те вообще взобрались в места, куда ворон костей не заносил. Но солдаты орловского полка были не воронами, а орлами.

Утром 24 сентября Суворов начал наступление на Сен-Готард. Австрийцы сочли, что атака на перевал – прямая дорога к смерти, и вперёд не пошли. Наши же, презрев смерть, атаковали. Офицеры воодушевляли солдат словами фельдмаршала: «С нами Бог! Распустить знамёна!.. Не выдадим своих! Кто отстанет – позор!». Противник яростно сопротивлялся, но в четыре часа дня, когда ударили авангард Багратиона, Сен-Готард пал. Французов, защищавших подножие Сен-Готарда, штурмовали полки генерал-лейтенанта

Василий Суриков. Переход Суворова через Альпы. (1899 г.)

отправленные в обход солдаты Архангельского полка, французы дрогнули и побежали. Преследовавшие их русские солдаты находили брошенные шинели, ранцы, патронные сумки и даже ружья.

Бой у моста закончился к полудню. Через несколько часов временный проход на взорванном участке заменили добротным настилом, и основные силы армии Суворова начали переправу. Путь на соединение с корпусом генерал-лейтенанта Римского-Корсакова был свободен. Увы, корпус этот из-за предательства австрийцев в тот день был разгромлен. Но совершившие прорыв через Чёртов мост суворовские герои ещё об этом не знали.

29 сентября они спустились в Мутенскую долину. Но, войдя в Швейцарию после труднейшего перехода, русские войска не были вовремя поддержаны австрийцами и попали в окружение. Суворов получил донесение о поражении сил Римского-Корсакова и австрийского полководца Готца будущим маршалом Франции Массеном слишком поздно. Прекрасно понимая, в каком отчаянном положении находится его армия, Суворов всё же принял решение сражаться. Накануне боя он обратился к офицерам: «Нет, это уже не измена, а разумное, рассчитанное предательство нас, столько крови своей проливших за спасение Австрии. Помощи теперь нам ждать не от кого. Одна надежда на Бога, другая – на храбрость и высочайшее самоотвержение войск... Нам предстоят труды небывалые в мире! Мы на краю пропасти! Но мы – русские! С нами Бог! Спасите, спасите честь и достояние России!». Один из офицеров ответил фельдмаршалу: «Всё перенесём и не покинем русского оружия, а если и падём, то умрём со славою! Веди нас, куда хочешь, делай, что знаешь! Мы твои сыны, отец, мы русские!».

Войска сошлились в Мутенской долине. Наших – четырнадцать тысяч, у Массена на десять тысяч больше... Русские пошли врукопашную, и нежданный суворовский натиск оказался таков, что французский центр не поддержался и получаса – враг в беспорядке отступил. Французы потеряли около тысячи убитыми, ещё больше – пленными и ранеными. Это была безоговорочная победа русского оружия. Во время сражения унтер-офицер Иван Махотин дорвался аж до самого Массена, и уже схватил было генерала, руку на его плечо положил, но тот всё же вырвался и ускользнул. Лишь золотой эполет остался в руках Ивана...

Одержав ещё несколько побед, великий русский полководец совершил со своей армией последний бросок – самый трудный за всю кампанию переход через перевал Паникс в Южную Германию. Оттуда последовало долгожданное возвращение домой.

Русские войска доблестно выполнили свои союзнические обязательства перед австрийцами, в отличие от последних. Суворов с полным основанием высказал претензии к австрийскому военному совету. Павел I поддержал Суворова и, обвинив австрийцев в поражении отряда Римского-Корсакова, отозвал свои войска в Россию. Суворову был пожалован чин генералиссимуса и почётный титул князя Италийского.

Зимний переход через Альпы считается уникальным по своей сложности в мировой военной истории. Никто ни до ни после Суворова не совершал подобного. Один из будущих французских маршалов признался, что отдал бы всю свою военную карьеру за такой поход под командованием Суворова.

Игорь Маркин

ДЕРЕВО АНГЕЛОВ

«...ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих» [Пс. 90, 11-13].

Пёс громко залаял, навострил уши, помолчал и снова, теперь уже без передышки, зашёлся требовательным лаем, из-за чего эхо остро резало слух в предрассветной лесной тишине. Осенний туман плотной шапкой накрыл всё вокруг, оставив на сером фоне только чёрные силуэты ближайших деревьев. Посмотришь в окно – и увидишь нечёткую чёрно-белую картинку, словно испорченный фотоснимок.

Потрёпанный пёс ещё прошлой зимой приился к сторожке. Пришёл, сел поодаль, да так и сидел два дня, выжидая, позовут – не позовут... Ну а как не позвать? Позвали, накормили, приютили. Вот так и живут теперь две души на заброшенной станции: смотритель и дворняга с разорванным правым ухом.

Старик протёр рукавом запотевшее окно и взгляделся в мутную картинку. Вдалеке, сразу за перелеском маячила тёмная фигура: скроется за деревьями и опять покажется, словно кругами ходит, медленно выплынет из тумана и обратно в него. Пёс снова зашёлся лаем, так же, как и хозяин, не спуская глаз с чужого.

«Надеюсь, не наш товарищ», – подумал про себя смотритель, но на всякий случай прибавил шаг и глубже втянул голову в поднятый воротник ватника, ругаясь, что забыл надеть шапку.

Конец октября в этом году выдался морозный. Северо-западный ветер уже неделю резкими порывами рвал с деревьев осенюю листву, нагоняя ледяной воздух.

Желающих попрощаться с жизнью удивительным образом тянуло на эту заброшенную станцию. Уже больше полувека в ней особой надобности нет, и она, забиваемая порослью, как мираж, стоит среди гребней вековых елей. Поезда мимо ещё ходят, но редко, а останавливаются по надобности ещё реже. При Великом князе Николае Николаевиче, когда Першинская усадьба охотой славилась, была станция, а теперь её определили в железнодорожный разъезд.

Поселковое начальство после очередного происшествия стало уговаривать Петра по старой памяти приглядеть за хозяйством: «Тебе, охотнику жить на окраине лучше. Вышел из сторожки – и уже в лесу, а у нас порядок и спокойствие. Соглашайся! Прибавка к пенсии нeliшняя. Ты ж эту станцию с измальства как свои пять пальцев знаешь. Столько лет у деда помощником был».

Александр Прострев. Ангельская тишина.

Хозяйство-то было смешное: сторожка, разрушенный полустанок и бесконечные, в обе стороны, рельсы.

Сложив руки на груди, чтобы плотней прижать ватник от пробирающего до костей ветра, смотритель остановился за спиной у гостя буквально в паре десятков шагов. Он всегда так делал: подумать нужно, рассмотреть да не спугнуть нареком. Стулая фигура примостилась на ржавом рельсе. Сгорбленная спина: видимо, обнял колени и затих. Плащ старенький, длинный, не по плечу, вроде как армейский. А место, какое выбрал, символичное – на разъезде. Словно перед выбором он: налево свернуть или направо.

Мужичок осторожно присел рядом с незнакомцем на рельс, вытянул ноги вперёд, поёрзкал, словно устраиваясь удобней, и тихо-тихо, практически еле слышно спросил:

– Посижу рядом? Пётр я.

Несчастный даже не взглянул на него. «Да это и понятно, кто в добром настроении-то под поезд решится? К какой груз на душе теперь», – Пётр шумно вздохнул, словно принимая эту тяжесть на себя.

Смотритель заговорил медленно, обстоятельно, делая большие паузы. Вроде к соседу обращены слова, а получается, что сам с собой разговаривает. Но это не впервые, сколько таких несчастных он спас... Монотонно, почти полуслёпотом, лишь изредка эмоционально сотрясая громким возгласом утреннюю тишину, начал он свой рассказ. Наизусть знает он легенду, но каждый раз не может удержаться от эмоций, с душевной болью и за людей, и за ангелов он её рассказывает. Как по горам идёт: то в низине, то высоко на вершине, то тихо-тихо рассказывает, а то громко скажет, на эмоциях, с надрывом.

– Говорят, есть легенда о дереве ангелов-хранителей. Кто говорит? Кто-то... Тот, кто думает чуть глубже, видит чуть шире и любит чуть больше, чем ты и я, – начал он. – Высоко, под самой крышей неба, на вершине одной из гор стоит белое дерево – Дерево ангелов.

Думал ли ты когда-нибудь, что мы, люди, к ангелам словно нитью привязаны? Они оберегают нас от зла, наставляют к добру, всегда рядом, и поэтому мы не одни в этом мире, даже когда кажется, что все от тебя отвернулись. Ангел – это бесконечно любящее нас существо, любовь его велика, и действие её сильно! Но как только ты перестаёшь верить в ангела-хранителя, теряешь надежду – рвётся нить между вами! Под нашими сомнениями, мыслями злыми да, не дай Бог, поступками страшными, его крылья тяжелуют, и вот тогда уже ему пора уходить.

Иногда глянешь в сторону горы – вроде что-то белое мелькнуло между деревьями. Засомневаешься: может, показалось? Приоткрышься, а не увидишь, как ангел медленно, тяжело ступая шаг за шагом, несёт свою ношу: ставшие свинцовыми крылья, с которых, словно хлопья снега, слетают перья, оставляя на земле след. Кровавый след из белой ангельской крови...

Смотритель задумался и замолчал, пауза затянулась. Сосед по рельсу повернулся в его сторону, не понимая, окончена история или нет. «Потеплело на душе у него, теперь справимся», – подумал Пётр и продолжил:

– Вот так смиренно, не осуждая, не гнетясь ношей, поднимается ангел на вершину горы. Возвращается к белому дереву, но продолжает ждать того, о ком заботился и хранил, верит, что одумается он, исправит, пожалеет о содеянном. Верит, что в последний момент сможет он ринуться вниз к подножию – и взлететь, вернуться к своему человеку!

И только наше неверие гонит его выше и выше. Ступит ангел на вершину – и исчезнет. А на ветке появится новое пёрышко, лёгкое и белое, словно снег. Ещё одного ангела покинул человек. Кто-то перестал верить и надеяться.

– А если опять поверить? – из-под капюшона послышался тихий голос, – взлетит?

«Голос ломкий», – подумал старик, – сразу не поймёшь, парень или девчонка.

– Конечно, взлетит! Кто ж не взлетит, если в него верить? Ты ему своей верой крылья расправишь, а он тебе помогать будет, охранять. Главное – не терять веру и надеяться! Если натворил плохого – исправить сделанное, добре дело от сердца совершил и попросить ангела вернуться. Вернее, самому вернуться к своему ангелу и больше не уходить слишком далеко.

Светлело, утренние лучи пробивались через плотную туманную вязь, окрашивая её в тёплый оранжевый цвет. Гулкий звук поступи тонул в промёрзшей земле. Пёс поднял порванное ухо, прислушался и положил голову обратно на лапы. Шаги были знакомые: неторопливые – хозяйские и робкие – чужие.

Олеся Кива

ПРИМИ ИХ В НЕБЕСНЫЙ ЧЕРТОГ ТВОЙ

В 1769 году указом Императрицы Екатерины Великой с дальнейшим подтверждением Святейшего Синода дата 11 сентября была установлена как **День памяти православных воинов**, за Веру, Царя и Отечество на поле брани убиенных. С тех пор каждый год в этот день во всех российских храмах стали возносить молитвы за павших российских воинов. Кроме того, в столице Российской Империи в этот день было принято служить заупокойную литургию в Петропавловском, а в Москве – в Архангельском соборах.

Вообще же поминование воинов, павших за Веру и Отечество на поле брани Православная Церковь совершает с давних времён, и таких дней у нас несколько. Один из них совершается в Дмитриевскую родительскую субботу, накануне дня памяти Великомученика Димитрия Солунского, а также 9 мая – в День Великой Победы над фашизмом.

Начало особенного поминования православных воинов в Дмитриевскую субботу было положено ещё в XIV столетии, 8 сентября 1380 года. После победы на Куликовом поле над тёмной Мамаевой ордой Дмитрий Донской отправился в монастырь Святой Троицы к Сергию Радонежскому. Прибыв в обитель, князь Московский Дмитрий воздал благодарственную молитву Господу, горячо благодарил преподобного Сергия и всю братию за их молитвы о победе русского воинства в страшной битве с басурманами. Совершив в монастыре поминование убиенных, по благословению святого старца Дмитрий Иванович повелел служить заупокойные панихиды за всех павших на Куликовом поле рат-

* * *

Возговори, ночная чаща,
Огня мерцанье обойми!
Нет для меня светлей и слаще,
Роднее звуков меж людьми,
Нет для меня верней, тревожней,
Заветней нескольких минут,
Когда твой шёпот осторожный
Вершины тёмные вернут
Душу, в которой столько мрака
И звёздочка дрожит одна –
По звуку твоему, по знаку
Водой небес вознесена
Над пепелищем и сумою,
Над горькой лямкой – «за харчи»,
И кажется – над тьмой самою, –
Не этой тьмою, не в ночи...

Александр Нестругин

ников и предложил творить поминование ежегодно в Дмитриевскую субботу – перед днём памяти великомуученика Димитрия Солунского – 26 октября по старому стилю. К слову, сам победитель Мамай родился тоже 26 октября.

К XIX веку в народном сознании окончательно утверждается связь Дмитриевской субботы с поминовением павших в Куликовской битве. Много позднее указом императора Николая II от 22 августа 1903 года было установлено в войсковых частях и заведениях Военного Ведомства, имевших тогда своих священников, «совершать панихиды в Дмитриевскую субботу по всем усопшим воинам за Веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положившим». С тех пор Дмитриевская родительская суббота стала днём поминования всех павших защитников Отечества, вплоть до сегодняшнего дня.

Вторым днём поминования православных воинов на Руси стала Покровская родительская суббота – накануне

Продолжение на стр. 22-23

праздника Покрова Пресвятой Богородицы, приходящегося на 14 октября. Эта дата связана со взятием Казани царём Иваном Васильевичем, прозванным в народе Грозным.

Кроме того, особенное поминование православных воинов отражено в указе царя Ивана V и Петра I от 27 июня 1689 года: «о внесении в синодики имён воинов, отдавших жизнь за Веру и Отечество, павших на поле брани в Крымском походе, для поминования в соборных церквях и монастырях».

В наши дни дата 11 сентября является также и Днём воинской славы России. Она установлена в память о победе русской эскадры под командованием Фёдора Фёдоровича Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра, что свершилось как раз в этот сентябрьский день 1790 года в ходе очередной русско-турецкой войны.

И вот современный День воинской славы и громкая морская победа екатерининского времени соединились в дате с Днём поминования – 11 сентября.

Тогда тоже шла война. Россия сражалась с Турцией – в тот раз целых шесть лет, с 1768 по 1774 годы. В истории противостояния нашей страны и Османской империи эта война – шестая по счету и одна из ключевых по значению. Обе стороны преследовали большие цели. Турция жаждала получить обещанные ей польскими магнатами Подолию и Волынь, расширить свои владения в Северном Причерноморье, на Кавказе, а если удастся, то наступать на Смоленск и Москву. Расправляющая крылья Россия вела активную политику, добиваясь от Турции права на свободный проход наших кораблей через Дарданеллы и запрета крымским татарам совершать набеги в невоеенное время.

Отвергнув предложенные Россией переговоры и заручившись поддержкой Франции и Австрии, османский султан Мустафа III объявил России войну. Как предлог султан использовал ввод русских войск в пограничные зоны Речи Посполитой для борьбы с украинскими повстанцами.

Ближайшая Порта имела над Россией почти тройное превосходство в численности сухопутных войск. На стороне Турции воевал и её вассал – Крымское ханство, а также казаки-некрасовцы, к тому же турецкое правительство заручилось поддержкой польских конфедератов. Флот Османской империи явился грозной силой – во всяком случае количественно. Правда, уровень навигационной подготовки турецких офицеров и коман-

диров был очень низок, боевая подготовка флотских экипажей недостаточна, многие их корабли даже не имели компаса. В русском флоте дела обстояли лучше.

Со стороны России боевые действия вели регулярная армия и флот, а также отряды калмыков, донских, терских, малороссийских и запорожских казаков, в том числе целые флотилии запорожцев. Русские эскадры должны были совершить очень далёкий сообразно тому времени поход.

Летом 1769 года эскадра под командованием адмирала Г.А. Спиридова и генерал-аншефа А.Г. Орлова впервые в истории начала беспримерный полугодовой переход из Балтийского моря в Средиземноморье вокруг Европы, при полном отсутствии наших баз на пути следования, преодолевая глухое сопротивление, чинимое враждебной Францией. В результате эскадра оказалась в тылу турецкого флота и стала угрожать Константинополю.

Тогда же в городе Павловске на Дону и в Таганроге, на верфях ещё петровских времён вице-адмирал А.Н. Сенявин начал восстанавливать Донскую, или Азовскую флотилию. В октябре 1769 года в Средиземное море с Балтии отправилась вторая эскадра.

Перелом в войне наступил на следующий год. В июле русская армия под командованием генерала П.А. Румянцева-Задунайского разгромила турецкие войска при Ларге и Кагуле. Наша Средиземноморская эскадра, преодолев все трудности плавания, нанесла поражения турецкому флоту в Хиосском сражении и при Чесменской бухте. А эскадра кадета Михаила Коняева в Патрасском заливе уничтожила турецкую эскадру. После этих катастроф Османская империя утратила господство в восточном Средиземноморье.

Иван Айвазовский. Чесменский бой. (1848 г.)

Воссозданная заново Азовская флотилия уже в 1771 году охраняла Керченский пролив, русский флот в Эгейском море препятствовал поставкам в Стамбул продовольствия и сырья из Египта и Сирии, и столица Ближайшего Порта оказалась на пороге голодного бунта. При поддержке русского флота восстали греки Пелопоннеса, затем египтяне и сирийцы. Русские моряки пользовались поддержкой населения греческих островов: они снабжали наши корабли припасами и на своих судах присоединялись к русским.

В 1773 году российский флот успешно действовал в восточном Средиземноморье, разрушал приморские крепости, верфи и предпринимал регулярные попытки высадить десант на сушу. При поддержке ополчения друзских шейхов после двухмесячной осады Бейрут был взят Бейрут.

В июле того же года состоялась первая победа русского флота на Чёрном море, одержанная у Балаклавы отрядом Азовской флотилии.

В следующем году Россия нанесла туркам ряд сокрушительных ударов – генералы А.В. Суворов и М.Ф. Каменский совместно разбили армию турецкого визиря у Козлуджи, на Чёрном море Донская флотилия отбила попытки турок прорваться через Керченский пролив в Азовское море, армия генерала В.М. Долгорукова заняла Крым. Россия заключила договор с крымским ханом Сахиб-Гиреем, по которому полуостров был объявлен независимым от Турции и находящимся под покровительством России.

Вечером 24 июля обе воюющие стороны получили известие о заключении мира, и боевые действия в Крыму прекратились. Истощив свои военные ресурсы, потеряв надежду на победу, Османская империя начала мирные переговоры и подписала с Россией выгодный для нас Кючук-Кайнарджийский договор.

В результате войны в состав России вошли Азов, Кабарда и первые земли в Крыму – крепости Керчь и Енике, на северном черноморском побережье – Кинбурн с прилегающими территориями между Днепром и Бугом. Провозглашена полная независимость Крымского ханства как от России, так и от Турции. Наша страна получила право вести торговлю и обладать военным флотом на Чёрном море с возможностью свободно выходить в море Средиземное. Именно тогда российский флот стал океанским.

Этим мирным договором был ознаменован важнейший момент, с которого начинается возрастание влияния Российской империи на Балканском полуострове и на Кавказе. Именно договор 1774 года начал процесс присоединения к России Северного Причерноморья. Крым, не имевший теперь защиты Турции, был присоединён к Российскому государству всего девятью годами позже – в 1783 году.

Сейчас идёт новая битва, и каждый день к небесному воинству примыкают души новых

бойцов. В пламенном горниле Россия преображается и крепнет, а погибшие в наши дни становятся в один ряд с дружинниками Древней Руси, всадниками времён Ивана Грозного, стрельцами царя Алексея Михайловича, с воинами империи и красноармейцами, с героями Великой Отечественной, с солдатами, прошедшими Афганистан и Чечню, с ополченцами Донбасса. Вечная им слава и вечная память. Прими их, Господи, в Небесный чертог Твой.

Игорь Маркин

И ТОГДА...

Памяти Анатолия Федурова

То ль завоешь, как волк,
то ль, как иволга, птицей застонешь,
то ль взорвёшься черёмухой, то ли стрелой упадёшь,
лишь как вспомнится мне
мой любимый, мой русский Воронеж,
с этой Россою маленькой, тоже медовою сплошь...

Лишь как вспомняться мне все ошибки и все неудачи
по бескрайнему счастью разлученные наизусть,
я возьмусь за перо – и, как девочка, глупо расплачусь.
И бумагу порву, и почувствую слёзы на вкус.
Но лишь вспомняться мне все курганы мои и долины,
все озёра и реки с прошитой строкой камышей,
я возьмусь за перо – и над Русскою встану равниной,
как над русской былиной –
взглянуть, что же сделали с ней.

И когда я увижу заросшие бровень окопы,
а по ним лишь бурьяном прикрытый глухой чернозём,
я не стану пенять на коварные планы Европы
и на планы Америки, стиснувших горло её.
Я с Свою Историей выйду на бранное поле
и с народом своим о своём буду вслух говорить.
И тогда это вечно опасное слово ДОКОЛЕ
наше небо взорвёт и позволит душе воспарить.

И тогда я стальное перо поменяю на песню.
И пойду медсестрой в санитарные те поезда.
И за Родину встанут, как издревле, люди и веси.
И тогда мы с тобою, и правда, Россия, воскреснем!
И тогда, и тогда, и тогда... Но когда?!

Надежда Мирошниченко

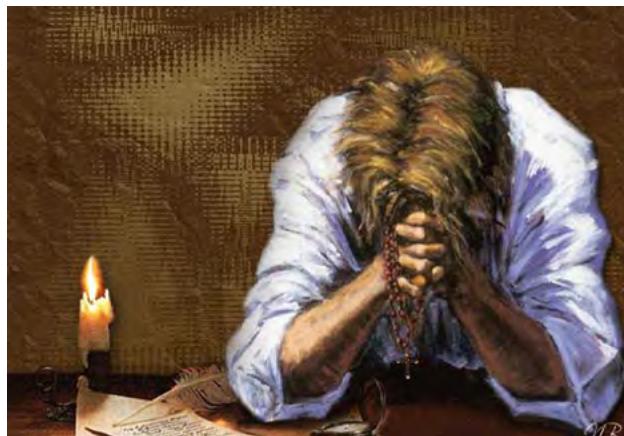
О РУССКИХ И РУССКОЙ ЖЕРТВЕ

Сербы не смеют забывать, что Царь-мученик без какой бы то ни было корысти для себя, прекрасно осознавая тяжесть возможных последствий для своей державы, народа и, в конце концов, самой короны и жизни собственной семьи, вступил в войну, чтобы защитить сербский народ. Вступил в войну за Сербию – в войну, в которой потерял и державу, и корону, и свою семью, и свою жизнь. Совесть наша принуждает нас плакать тогда, когда плачут русские, и радоваться тогда, когда русские радуются. Велик наш долг перед Россией. Как человек может быть должником другому человеку, так и один народ может быть должен другому народу. Но долг, которым Россия обязала Сербию в 1914-м столь огромен, что его невозможно вернуть ни веками, ни поколениями. Это – долг любви, которая с завязанными глазами идёт на смерть, спасая ближнего своего.

«Нет выше любви, как положить душу свою за друзей своих», – это слова Христа. Русский Царь и русский народ, не подготовившись вступив в войну на защиту Сербии, не могли не знать, что идут на смерть. Но любовь русских к братьям своим не отступила перед опасностью и не испугалась смерти. Смеем ли мы хоть когда-нибудь забыть то, что Русский Царь с детьми своими и миллионами братьев своих пошёл на смерть за правду сербского народа? Смеем ли умолчать пред Небом и землёй, что наша свобода и государственность стоила России больше, чем нам самим?

Мораль Мировой войны – неясная, сомнительная и спорная с разных сторон – явилась в Русской Жертве с евангельской ясностью несомненности и неоспоримости.

А мотив самоотверженности, неотмирно моральное ощущение при жертвовании за другого – не в этом ли

вхождение в Царствие Небесное? Русские в наши дни повторили Косовскую драму. Если бы Царь Николай прилепился к царству земному, царству эгоистических мотивов и мелочных счётов, он, вероятнее всего, и доныне восседал бы на своём престоле в Петрограде. Но он прилепился к Царству Небесных жертв и Евангельской морали. Из-за этого лишился головы и он сам, и его чада, и миллионы его соратников.

Ещё один Лазарь и ёщё одно Косово! Эта новая косовская эпопея открывает новое моральное богатство славян. Если кто-то на свете ёщё способен понять это, то сербы обязаны это понять...

Блаженны вы, плачущие в эти дни с Россией, ибо будете вместе с ней утешены! Блаженны вы, печалящиеся сейчас с Россией, ибо вскоре с нею возрадуетесь.

Святитель Николай Сербский

Дорогие братья и сестры!

Просим пожертвовать на оштукатуривание стен храма
во имя святителя Антония (Смирницкого).

Ваши пожертвования направляйте по реквизитам, указанным ниже.
Имена жертвователей будут поминаться на проскомидии.

Протоиерей Николай Бабич

МРО ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД ХРАМА ВО ИМЯ СВ. АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО),
АРХИЕП. ВОРОНЕЖСКОГО И ЗАДОНСКОГО г. ВОРОНЕЖА

Реквизиты: ИНН 3665045857, КПП 366501001, р/с 40703810600510003141 в Филиале
«Центральный» Банка ВТБ (ПАО) в г. Москве. К/с 30101810145250000411, БИК 044525411

Либо на карту СБЕРБАНКА 5469 1300 1724 1736 (привязана к тел. 8-951-860-40-40)

С вопросами и предложениями можно обращаться к протоиерею Николаю Бабичу:
тел.: +7 (951) 860-40-40, Viber: +7-951-860-40-40, ВКонтакте: vk.com/snt.antonius,
Telegram: @NikolaiBabich.

Адрес храма и редакции: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А.
E-mail: Snt-Antonius@yandex.ru.

Электронная версия «Вестника» доступна по адресу: www.snt-antonius.ru

Учредитель, издатель – Местная религиозная организация православный Приход храма во имя свт. Антония (Смирницкого), архиеп. Воронежского и Задонского г. Воронежа религиозной организации «Воронежская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». Адрес издателя: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А

Редакционная коллегия:
протоиерей Николай Бабич, Римма Лютая
Главный редактор: Бабич Николай Николаевич,
протоиерей. +7 (951) 860-40-40
Выпускающий редактор, ответственный
секретарь, корректор:
Римма Лютая. +7 (960) 115-69-06

Редактор отдела истории и краеведения: Игорь Маркин
Дизайн, макет, вёрстка: Наталья Назаренко
Отпечатано: АО «Воронежская областная типография» –
издательство им. А.Б. Болховитинова»,
г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.
Тираж: 999 экземпляров. Заказ: № 000.
Дата выхода издания в свет: 26.11.2025 г.

Издаётся на средства
и трудами благотворителей.

Не используйте наше издание
в хозяйственных целях.
Цена: бесплатна.
Распространяется за пожертвование.

0+